ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 9-й.

Я. В. Абрамовъ.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Съ портретомъ и рисункомъ.

I. Избранныя мысли Бѣлинскаго.
II. Романъ Бѣлинскаго.

Цѣна 40 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Гаврилова и М. Городецкаго.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 9-й.

Я. В. Абрамовъ.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

I. Избранныя мысли Бѣлинскаго.
II. Романъ Бѣлинскаго.

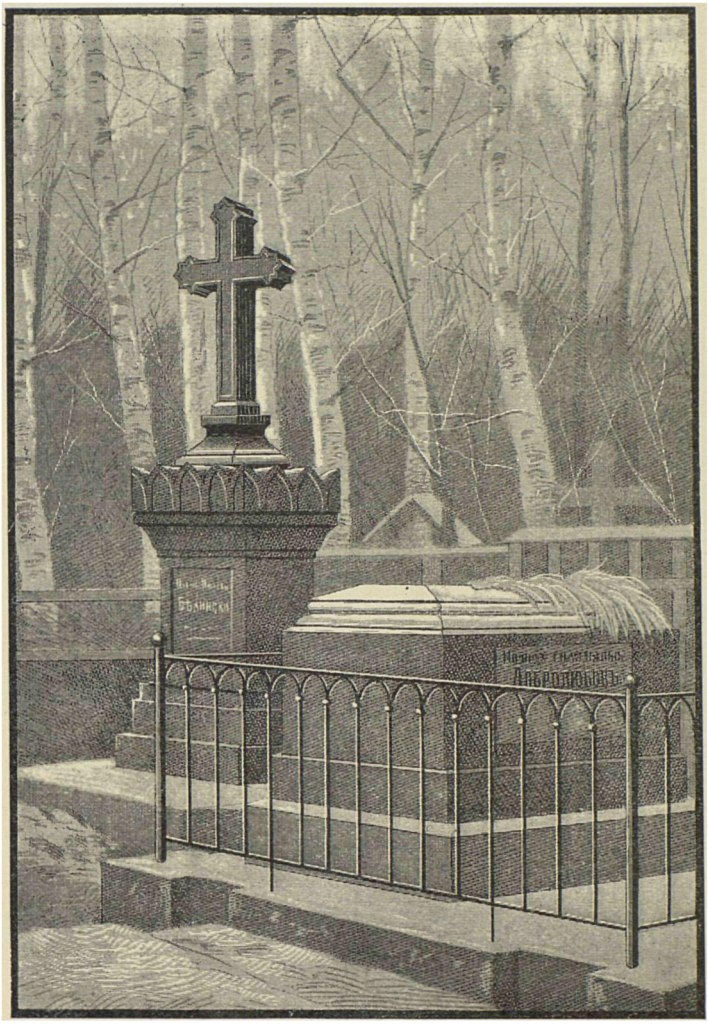
РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ
ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. Городецкаго.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 марта 1898 г.

Типографія Спб. Акціонернаго Общества «Издатель».
Коженскій пер., соб. д., № 14.

В. Г. Бѣлинскій.



Могила В. Г. Бѣлинскаго.

Безъ сомнѣнія, лучшій памятникъ, напоминающій намъ о В. Г. Бѣлинскомъ, — его сочиненія. Задавшись цѣлью почтить память великаго критика и мыслителя по случаю истеченія пятидесятилѣтія со дня его кончины, мы нашли, что лучшимъ средствомъ къ тому можетъ быть изданіе собранія „избранныхъ мыслей" Бѣлинскаго. Однако, сдѣлать выборъ отрывковъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, которые должны войти въ составъ такого собранія, весьма не легко. Сочиненія Бѣлинскаго полны въ высшей степени замѣчательными мыслями, имѣющими большую цѣнность до нашего времени. Выборка такихъ мыслей могла бы занять добрый томъ, тогда какъ намъ хотѣлось дать изданіе общедоступное. Мы ограничились выборкою такихъ мыслей Бѣлинскаго, которыя имѣютъ особое значеніе для нашего времени въ виду царящей въ настоящее время путаницы понятій, особенно касающихся области искусства. Очень можетъ быть, что поставленная нами задача могла бы быть вы-

полнена и лучше, нежели какъ она выполнена нами, но feci, quod potui, faciant meliora potentes.

Мы полагаемъ, что свѣдѣнія о романѣ Бѣлинскаго, извлеченныя изъ его писемъ, могутъ пополнить то представленіе о великомъ человѣкѣ, какое даетъ собраніе его мыслей.

Ссылки на тома и страницы сочиненій Бѣлинскаго сдѣланы по изданію Ф. Павленкова 1896 года.

I. ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ БѢЛИНСКАГО.

1. Истина.

Истина выше человѣка, какъ личности: чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбой, лишеніями и страданіемъ, — и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиной, самоотверженіе и самопожертвованіе; кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого, тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви. (I, 521).

2. Человѣкъ.

Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастье, какъ блаженство, къ которымъ слѣдовательно онъ имѣетъ полное право стремиться, сообразно съ своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носитъ онъ таинственный и безконечный міръ, полный желаній, порывовъ, стремленій, страданій и радостей, и только чрезъ удовлетвореніе этого своего міра можетъ онъ достигнуть счастья. Это міръ внутренній, міръ субъективный человѣка, сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и, кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія, имѣетъ право никого и ничего не знать. Субъективная сторона человѣка истинна и слѣдовательно дѣйствительна; но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадаетъ въ нелѣпость. Субъективность, оставаясь субъективностью, въ сферѣ знанія превратится въ ограниченность и произвольность понятій, въ сферѣ чувства — въ сухой и безнравственный эгоизмъ, въ сферѣ дѣйствія—въ преступленіе и злодѣйство. Субъектъ есть личность; но что же такое эта личность, кого выражаетъ и опредѣляетъ она? Субъективная личность есть выраженіе и опредѣленіе духа, а духъ безконеченъ: слѣдовательно субъективная личность не должна быть ограниченностью; духъ истиненъ, слѣдовательно субъективная личность не должна быть эгоистической. А между тѣмъ ограниченность есть условіе всякой субъективности. Въ чемъ

же примиреніе этого противорѣчія, гдѣ выходъ изъ него? Въ столкновеніи субъективной личности человѣка съ объективнымъ (внѣ его находящимся) міромъ. Человѣкъ есть частное и случайное по своей личности, но общее и необходимое по духу, выраженіемъ котораго служитъ его личность. Отсюда выходитъ двойственность его положенія и его стремленій; его борьба между своимъ *я* и тѣмъ, что находится внѣ его *я*, составляетъ его *не я*. Въ отношеніи къ его индивидуальной собственности, міръ *не я*, міръ объективный, есть враждебный ему міръ; но въ отношеніи къ его духу, какъ къ проблеску безконечнаго и общаго, міръ его *не я*, міръ объективный, есть родной ему міръ. Чтобъ быть дѣйствительнымъ человѣкомъ, а не призракомъ, онъ долженъ быть частнымъ выраженіемъ общаго или конечнымъ проявленіемъ безконечнаго. Вслѣдствіе этого онъ долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности, признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ міровымъ, общимъ, признавъ только его истиной и дѣйствительностью. Но какъ это міровое или общее находится не въ немъ, а въ объективномъ мірѣ, онъ долженъ сродниться, слиться съ нимъ, чтобы, послѣ усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность, стать снова субъективной личностью, но уже дѣйствительной, уже выражающей собой не случайную частность, а общее міровое, словомъ, стать духомъ во плоти. (I, 353).

3. Жизнь.

Есть два рода людей: одни прозябаютъ, другіе живутъ. Для первыхъ жизнь есть сонъ, и если этотъ сонъ видится имъ на мягкой и теплой постели, они удовлетворены вполнѣ. Для другихъ же людей собственно жизнь есть подвигъ, выполненіе котораго, безъ противорѣчія съ благопріятностью внѣшнихъ обстоятельствъ, есть блаженство; а при условіи добровольныхъ лишеній и страданій, должно быть блаженствомъ и точно есть блаженство, но только тогда, когда человѣкъ, уничтоживъ свое *я* во внутреннемъ созерцаніи или сознаніи абсолютной жизни, снова обрѣтаетъ его въ ней. Но для этого внутренняго просвѣтлѣнія нужно много борьбы, много страданія, и для него много званныхъ, но мало избранныхъ. (I, 813).

4. Содержаніе жизни.

Жить, значитъ — чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть. И чѣмъ больше содержанія объемлетъ собою наше чувство и мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ мы больше живемъ: мгновеніе *такой* жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатичной дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтожныхъ цѣляхъ. Способность страданія условливаетъ въ насъ способность блаженства, и незнающіе страда-

нія не знаютъ и блаженства, не плакавшіе не возрадуются. (II, 91).

5. Любовь.

Всякое чувство, что бы оно ни было — любовь или увлеченіе, мгновенная прихоть сердца, — но если только оно волнуетъ душу сладкимъ восторгомъ и растворяетъ ее трепетнымъ ощущеніемъ таинства жизни, если оно возбуждено созерцаніемъ идеи абсолютной красоты въ живомъ образѣ,—это чувство уже любовь, а не чувственность. Всякая любовь есть одухотворенная чувственность; любовь одна, но степени ея безконечно-разнообразны, и съ каждой степенью измѣняется ея характеръ, а степени ея состоятъ въ постепенно большемъ и большемъ проникновеніи чувственности духовнымъ просвѣтленіемъ. Есть люди, которые отъ всей души убѣждены, что красота возбуждаетъ чувственность: бѣдные не понимаютъ, что красота есть явленіе духа, и что гдѣ красота родитъ любовь, тамъ уже нѣтъ чувственности. Для животныхъ красота не существуетъ — это составляетъ одно изъ преимуществъ человѣка надъ животными. Только красота не составляетъ условія любви, но безъ красоты любовь невозможна. (I, 329).

6. Любовь мужчины и женщины.

Всѣ люди ровно родятся для любви, и безъ любви ни для кого изъ людей нѣтъ ни истиннаго

счастья, ни истинной жизни; но любовь женщины есть болѣе любовь, чѣмъ любовь мужчины; въ любви женщины болѣе кровнаго, а потому и больше страстнаго, тогда какъ въ любви мужчины больше мыслительнаго, если можно такъ выразиться. Давно уже было замѣчено, что женщина мыслитъ сердцемъ, а мужчина и любитъ головой. Эту разницу въ характерѣ любви того и другого пола мы показали бы въ разницѣ любви матери и отца. Та же разница найдется и во всякой другой любви. Замѣчено, что мужчины въ любви больше эгоисты, чѣмъ женщины. Если женщина эгоистка, она уже совсѣмъ не живетъ сердцемъ, не ищетъ любви и не требуетъ ея; ея вся жизнь въ разсчетѣ. Если же сердце женщины жаждетъ любви, оно предается мужчинѣ со всѣмъ самозабвеніемъ, со всѣмъ безразсудствомъ слѣпого великодушія. Мужчина безъ любви не любитъ жить и готовъ на всѣ жертвы и на всякое безразсудство, пока не достигнетъ своей цѣли. Удовлетворивши своей страсти, онъ вспоминаетъ о своей будущности, о своихъ обязанностяхъ, о святыхъ интересахъ своей души и проч. и, чѣмъ болѣе дѣлается эгоистомъ, тѣмъ болѣе видитъ въ себѣ героя. Оттого женщины-кокетки, женщины, умѣющія владѣть собой и сдающіяся не иначе, какъ долго мучивъ влюбленнаго въ нихъ мужчину, и даже въ связи съ нимъ умѣющія мучить его, вѣрнѣе и дольше владѣютъ его сердцемъ. Мужчины не дорожатъ легкими побѣдами, хотя бы причина ихъ легкости заключалась въ прямотѣ и безхитростности преданнаго женскаго сердца. Женщины постояннѣе въ любви, и муж-

чины почти всегда первые охладѣваютъ къ старой связи и жаждутъ предаться новой. Эта способность внезапно охладѣвать и вдругъ чувствовать страшную пустоту и безотвѣтность въ сердцѣ, которое недавно еще было такъ полно и такъ дружно отвѣчало біенію другого сердца,—эта несчастная способность бываетъ для благородныхъ мужскихъ натуръ источникомъ не только невыносимыхъ страданій, но и совершеннаго отчаянія. Женщины всегда готовы любить,—мужчина можетъ любить только при извѣстной настроенности своего духа; женщинѣ никогда и ничто не мѣшаетъ любить,—у мужчины есть много интересовъ, могущественно борющихся съ любовью и часто побѣждающихъ ее. Женщина всегда готова для замужества независимо отъ ея лѣтъ и опыта,—мужчина только въ [извѣстныя лѣта и при извѣстномъ развитіи черезъ жизнь и опытъ пріобрѣтаетъ нравственную возможность жениться; ему надо дорасти и доразвиться до нея; иначе онъ несчастнѣйшій человѣкъ черезъ нѣсколько же дней послѣ своей свадьбы. Женщина, вдругъ охладѣвшая къ своему мужу и увлеченная роковой страстью къ другому,—есть исключеніе изъ общаго правила; мужчина съ поэтически-живой натурой, всю жизнь свою привязанный къ одной женщинѣ,—есть тоже очень рѣдкое исключеніе. Все это совершенная правда; но, основываясь на всемъ этомъ, еще не слѣдуетъ изрекать ни безусловнаго благословенія на женщинъ, ни безусловнаго проклятія на мужчинъ: ибо все имѣетъ свои причины, слѣдственно свое разумное оправданіе.

Мы охотно соглашаемся въ томъ, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ женщина только на одно то и родилась, чтобъ любить: напротивъ, изъ этого слѣдуетъ, что женщина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и сознанія. А между тѣмъ общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути во всѣ другія сферы человѣческаго существованія. Гаремы только фактически принадлежатъ Востоку: въ идеѣ они—принадлежность и просвѣщенной Европы, и всего міра. Извѣстно физіологически, что каждое наше чувство съ особенной силой развивается на счетъ другихъ чувствъ: потерявшіе слухъ лучше начинаютъ видѣть, ослѣпшіе — лучше слышать, тоньше осязать. Удивительно-ли, что вся сила духовной натуры женщины выражается въ любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а всѣ другія человѣческія права рѣшительно отняты? Удивительно-ли вмѣстѣ съ тѣмъ, что тогда въ женщинахъ становится недостаткомъ именно то, что должно бы составлять ихъ высочайшее достоинство? Исключительная преданность любви дѣлаетъ ихъ односторонними и требовательными: онѣ, кромѣ любви, не хотятъ ничего признавать на свѣтѣ и требуютъ, чтобъ мужчина для любви забылъ всѣ другіе интересы и общественные вопросы и общественную дѣятельность, и на-

уку, и искусство, и все на свѣтѣ. Это разрушаетъ равенство: ибо тогда мужчина не совсѣмъ безъ основанія начинаетъ видѣть въ женщинѣ низшее себя существо. Не совсѣмъ безъ основанія, сказали мы: ибо дѣйствительно, какой сдѣлало ее воспитаніе и разныя общественныя отношенія, она — низшее въ сравненіи съ нимъ существо, хотя въ возможности, какой создала ее природа, она столько же не ниже его, сколько и не выше. Это неравенство рождаетъ разныя отношенія одной стороны къ другой. Въ мужчинѣ является родъ презрѣнія и къ женщинѣ, и къ чувству любви, а вслѣдствіе этого охлажденье, которое дѣлаетъ невыносимой неразрывность связывающихъ ихъ узъ. Въ женщинѣ, напротивъ, самая опасность потерять сердце любимаго ей человѣка только усиливаетъ ея любовь и дѣлаетъ ее навязчивѣе и требовательнѣе. Сверхъ того, продолжительность или неизмѣняемость чувства можетъ быть дорога и почтенна только какъ признакъ того, что обѣ стороны нашли другъ въ другѣ полное осуществленіе тайныхъ потребностей своего сердца; иначе это—или простая привычка (дѣло тоже очень хорошее, если результатомъ бываетъ счастье), или донъ-кихотская добродѣтель, способная удивлять и восхищать только сухихъ и мертвыхъ моралистовъ-резонеровъ, да еще романтическихъ поэтовъ-мечтателей. Если внезапныя охлажденія чувства къ однимъ предметамъ и столь же внезапныя возгаранія чувства къ другимъ предметамъ, если они бываютъ дѣйствительно, значитъ возможность ихъ заключена въ природѣ сердца человѣческаго, и тогда они —

не преступленіе и даже не несчастье. Кто способенъ понять это, тому всегда легче перенести подобный разрывъ, и тотъ всегда послѣ него сохранитъ свое нравственное здоровье и свою способность вновь быть счастливымъ любовью. Изъ мужчинъ нѣкоторые это понимаютъ, и очень многіе чувствуютъ это безсознательно; что же касается до женщинъ, изъ нихъ могутъ понимать это развѣ только одаренныя геніальной натурой. Женщина съ колыбели воспитывается въ убѣжденіи, что она всю жизнь должна принадлежать одному, принадлежать въ качествѣ вещи. И потому нѣкоторыя изъ нихъ иногда обрекаютъ себя послѣ смерти мужа вѣчному вдовству — родъ индійскаго самосожженія на кострѣ умершаго мужа!.. Благодаря романтизму среднихъ вѣковъ, право, мы въ дѣлѣ женщинъ ушли не дальше индійцевъ и турокъ!.. Итакъ, способность привязываться всѣми силами души къ одному предмету зависитъ въ женщинахъ не отъ одной только природной способности къ любви, но отъ нравственнаго рабства, въ которомъ держитъ ихъ общественное мнѣніе и которому онѣ сами покоряются съ такой добровольной готовностью, съ такимъ даже фанатизмомъ. Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и по ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій, жертвы чуждой безусловной власти всю жизнь свою, до замужества — рабы родителей, послѣ замужества — вещи мужей, считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому-нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искус-

ству, наукѣ, — онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы то ни стало, найти въ одной любви, — и, разумѣется, почти всегда горько и страшно разочаровываются въ своей надеждѣ. Измѣнила мужчинѣ надежда на что-нибудь, — сколько у него выходовъ изъ горя, сколько дорогъ на поприще жизни, которыя могутъ вести его къ той или другой цѣли! Измѣнила женщинѣ любовь, ей ничего уже не остается въ жизни, и она должна пасть, погибнутъ подъ бременемъ постигшаго ее бѣдствія или умереть душой для остальнаго времени своей жизни, сколько бы ни продолжалась эта жизнь. Не говорите ей объ утѣшеньи, не маните ее надеждой, не указывайте ей на очарованіе искусствъ, на усладу науки, на блаженство высокаго подвига гражданскаго: ничего этого не существуетъ для нея! Возвратите ей любовь любимаго ею, пусть вновь сидитъ онъ подлѣ нея, да глядитъ въ упоеніи страсти, въ ея сіяющія блаженствомъ очи! Бѣдная, для нея въ этомъ столько счастья, тогда какъ только Маниловъ-мужчина способенъ найти въ этомъ все свое счастье... (III, 115—118).

7. Ревность.

Эта страсть свойственна или людямъ по самой натурѣ эгоистическимъ, или людямъ неразвитымъ нравственно. Считать ревность необходимой принадлежностью любви — непростительное заблужденіе. Человѣкъ нравственно развитый любитъ спокойно, увѣренно, потому что уважаетъ предметъ

любви своей (любовь безъ уваженія для него невозможна). (III, 536).

8. Истинное благородство.

Душа истинно благородная умѣетъ желать сильно и мучительно, но умѣетъ и оставаться при одномъ желаніи, если удовлетвореніе его сопряжено съ преступленіемъ, потому что истинно благородная душа въ самой себѣ находитъ и отпоръ или противодѣйствіе своему желанію, и вознагражденіе за неудовлетвореніе своего желанія. (I, 839).

9. Прогрессъ.

Прогрессъ относится только къ тому, что развивается само изъ себя. Прогрессомъ можетъ быть и то, въ чемъ вовсе нѣтъ успѣха, пріобрѣтенія, даже шагу впередъ; и, напротивъ, прогрессомъ можетъ быть иногда неуспѣхъ, упадокъ, движеніе назадъ. Это именно относится къ историческому развитію. Бываютъ въ жизни народовъ и человѣчества эпохи несчастныя, въ которыя цѣлыя поколѣнія какъ бы приносятся въ жертву слѣдующимъ поколѣніямъ. Проходитъ тяжелая година—и изъ зла рождается добро. (IV, 564).

10. Народъ и человѣчество.

Каждый народъ, вслѣдствіе непреложнаго закона Провидѣнія, долженъ выражать своей жизнью

одну какую нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ, этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованіе ни къ чему не служитъ. (I, 16).

11. Европа и Азія.

Азія — страна такъ называемой естественной непосредственности, Европа—страна сознанія; Азія—страна созерцанія, Европа—воли и разсудка. Вотъ главное и существенное различіе Востока и Запада, причина и исходный пунктъ исторіи того и другого. (II, 190).

12. XIX вѣкъ.

Нашъ вѣкъ — врагъ мечты и мечтательности, но потому-то онъ и великій вѣкъ! Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшна, пошла и приторна, какъ и сентиментальность. Дѣйствительность—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ, — и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій и мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное. Онъ смѣло и безтрепетно выслушалъ безотрадныя пѣсни Байрона и вмѣстѣ съ ихъ мрачнымъ пѣвцомъ, лучше рѣшился отречься отъ всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и

надеждами прошлаго вѣка. Онъ выдержалъ разсудочный критицизмъ Канта, разсудочное положеніе Фихте; онъ перестрадалъ съ Шиллеромъ всѣ болѣзни внутренняго, субъективнаго духа, порывающагося къ дѣйствительности путемъ отрицанія. (I, 420).

13. Основа исторіи.

Источникъ внутренней исторіи народа заключается въ его „міросозерцаніи“, или его непосредственномъ взглядѣ на міръ и тайну бытія. (II, 336).

14. Исторія и поэзія народа.

Поэзія всякаго народа находится въ тѣсномъ соотношеніи съ его исторіей; въ поэзіи и въ исторіи равнымъ образомъ заключается таинственная психея народа, и потому его исторія можетъ объясняться поэзіей, а поэзія — исторіей. Мы разумѣемъ здѣсь внутреннюю исторію народа, которой объясняются внѣшнія и случайныя событія въ его жизни. (II, 339).

15. Красота.

Красота — не истина, не нравственность; но красота — родная сестра истинѣ и нравственности. Красота не служитъ чувственности, но освобождаетъ

насъ отъ чувственности, возвращая духу нашему права его надъ плотью. (II, 276).

16. Цѣль красоты.

Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властью своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на душу людей. (II, 101).

17. Красота древняго и христіанскаго міровъ.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота Мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви; ее могла выразить только живопись, но ужъ никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово „средство“ не должно понимать какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую ему присущую форму проявленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія,

имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворить развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. (II, 769).

18. Человѣкъ и художникъ.

Нападая на человѣка, отнюдь не должно смѣшивать его съ художникомъ, равно какъ, разсматривая художника, отнюдь не слѣдуетъ касаться человѣка. У искусства есть свои законы, на основаніи которыхъ и должно разсматривать его произведенія. Мысль, выраженная поэтомъ въ созданіи, можетъ противорѣчить личному убѣжденію критика, не переставая быть истинною и общею, если только созданіе дѣйствительно художественно: ибо человѣкъ, какъ ограниченная частность, можетъ заблуждаться и питать ложныя убѣжденія, но поэтъ, какъ органъ общаго и мірового, какъ непосредственное проявленіе духа, не можетъ ошибиться и говорить ложь. Конечно, платя дань своей человѣческой натурѣ, онъ можетъ впадать въ заблужденія, но это тогда, когда онъ измѣняетъ своей творческой натурѣ, становится невѣрнымъ самому себѣ и перестаетъ быть поэтомъ, допуская своей личности вмѣшиваться въ свободный процессъ творчества и впадая въ резонерство, символизмъ и аллегорію. Слѣдовательно, чтобы узнать, вѣрна ли мысль, выраженная поэтомъ въ его произведеніи, должно сперва узнать, дѣйствительно-ли художественно его созданіе. Но этотъ вопросъ рѣшается непосредствен-

нымъ впечатлѣніемъ созданія на непосредственное чувство критика (разумѣется, если его чувство доступно изящному, глубоко и всеобъемлюще), повѣреннымъ потомъ діалектикою мысли на непреложныхъ основаніяхъ искусства. (I, 382).

19. Избранные люди.

Говорятъ, будто любящее сердце, умъ, талантъ и всякое превосходство надъ людьми есть странный даръ природы, родъ проклятья, изрекаемаго судьбой надъ человѣкомъ, избраннымъ въ самую минуту его рожденія... Говорятъ, будто несчастіемъ и страданіями цѣлой жизни избранникъ долженъ расплатиться за дерзкую привилегію быть выше другихъ. И все это доказываютъ примѣрами людей замѣчательныхъ... Но справедливо-ли такое мнѣніе, и должна-ли жизнь быть мачихой въ отношеніи къ любимѣйшимъ дѣтямъ природы?.. О, нѣтъ! эта вражда жизни съ природой отнюдь не есть законъ разумной необходимости, но есть только результатъ несовершенства человѣческихъ обществъ. Избранный человѣкъ болѣе, чѣмъ всякій другой, родится для жизни и наслажденія ею,—и не жизнь, а общество виновато въ томъ, что, едва родившись, онъ съ бою долженъ брать даже самый воздухъ, чтобъ ему можно было дышать... (IV, 417).

20. Геній и толпа.

Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность,

потомъ всеобщность и глубина его идей и идеаловъ и, наконецъ, историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ.

Геній всегда открываетъ своими твореніями новый, никому до него неизвѣстный, никѣмъ не подозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но безсознательно; пережившии извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній — и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже нашли въ себѣ и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя генія — милліонъ, потому что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. (IV, 422).

21. Поэтъ.

Это организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ: словомъ,—глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны ду-

ха — и пассивная, и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма, поэтъ больше, чѣмъ кто нибудь, способенъ вдаваться въ крайности, и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что у другихъ людей: оно слѣдствіе ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличія. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти за одинъ мигъ полноты чувства онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всей остальной жизнью. (II, 99).

22. Истинный поэтъ.

Всякій истинный поэтъ, на какой бы ступени художественнаго достоинства ни стоялъ, а тѣмъ болѣе всякій великій поэтъ, никогда и ничего не выдумываетъ, но облекаетъ въ живыя формы общечеловѣческое. И потому въ созданіяхъ поэта люди, восхищающіеся ими, всегда находятъ что-то давно знакомое имъ, что-то свое собственное, что они сами чувствовали или только смутно и неопредѣленно предощущали, или о чемъ мыслили, но чему не могли дать яснаго образа, чему не могли найти слова, и что слѣдовательно поэтъ умѣлъ только выразить Чѣмъ выше поэтъ, т. е. чѣмъ обще-человѣчественнѣе содержаніе его поэзіи, тѣмъ проще его созданія, такъ что читатель удивляется, какъ ему самому не вошло въ голову создать что-нибудь подобное: вѣдь это такъ просто и легко! (III, 460).

23. Талантъ.

Талантъ, какъ способность дѣлать, производить, относится больше къ формѣ созданія, и съ этой точки зрѣнія талантъ—есть сила внѣшняя, которая можетъ существовать въ человѣкѣ независимо отъ ума, сердца и другихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ сторонъ человѣческой природы. Но для формы нужно содержаніе—и вотъ здѣсь-то получаетъ всю свою важность самостоятельная дѣятельность духовныхъ силъ человѣка. (IV, 320).

24. Поэтъ и философъ.

Доколѣ поэтъ слѣдуетъ *безотчетно* мгновенной вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей. (I, 15).

Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть „полное славы творенье“ — міръ со всей безконечностью и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами,—и ея образы суть выраженіе той вѣчной красоты, первообразъ которой блещетъ

въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной наготѣ, но самыя отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль скользитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное—да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности. Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ отрываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопеи не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди и прошедшее, міровое и вѣчное забывать на минуту для современности и общества; но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое свободное вдохновеніе разнымъ „текущимъ потребностямъ“. (II, 102).

25. Поэзія.

Поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эфиръ, трипль-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни. Поэзія не описы-

ваетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. (II, 97).

26. Задачи искусства.

Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Только при этомъ условіи поэзія и нравственность тождественны. Произведенія неистовой французской литературы не потому безнравственны, что представляетъ отвратительныя картины прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, отцеубійства и сыноубійства, но потому, что они съ особенной любовью останавливаются на этихъ картинахъ и, отвлекая отъ полноты и цѣлости жизни только эти ея стороны, дѣйствительно ей принадлежащія, исключительно выбираютъ ихъ. (I, 401).

27. Цѣль искусства.

Все искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы поставить читателя на такую точку зрѣнія, съ которой бы ему видна была вся природа въ сокращеніи, въ миніатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы дать ему почувствовать вѣяніе, дыханіе этой жизни, которая одушевляетъ вселенную, сообщить

его душѣ этотъ огонь, который согрѣваетъ ее. Наслажденіе же изящнымъ должно состоять въ минутномъ забвеніи нашего *я*, въ живомъ сочувствіи съ общей жизнью природы; и поэтъ всегда достигнетъ этой прекрасной цѣли, если его произведеніе есть плодъ возвышеннаго ума и горячаго чувства, если оно свободно и безотчетно вылилось изъ его души. (I, 16).

28. Цѣль поэзіи.

Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, такъ же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. (II, 100).

29. Чѣмъ должно быть поэтическое произведеніе?

Мы требуемъ не идеала жизни, но самой жизни, какъ она есть. Дурна-ли, хороша-ли она, но мы не хотимъ ее украшать, ибо думаемъ, что въ поэтическомъ представленіи она равно прекрасна въ томъ и другомъ случаѣ, и потому именно, что истинна, и что гдѣ истина, тамъ и поэзія. (I, 101).

30. Задачи комедіи.

Предметъ комедіи не есть исправленіе нравовъ или осмѣяніе какихъ-нибудь пороковъ общества; нѣтъ, комедія должна живописать несообразность

жизни съ цѣлью, должна быть плодомъ горькаго негодованія, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго достоинства, должна быть сарказмомъ, а не эпиграммой, судорожнымъ хохотомъ, а не веселой усмѣшкой, должна быть писана желчью, а не разведенной солью, — словомъ, должна обнимать жизнь въ ея высшемъ значеніи, то есть въ ея вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ. (I, 34).

31. Художественность и идейность.

Чисто художественная критика, не допускающая историческаго взгляда, теперь никуда не годится, какъ односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературныхъ произведеній; но если при ней нѣтъ качества, заключающагося въ духѣ современности, она уже не можетъ сильно увлекать насъ. Поэтому, теперь посредственно-художественное произведеніе, но которое даетъ толчекъ общественному сознанію, будитъ вопросы или рѣшаетъ ихъ, гораздо важнѣе самаго художественнаго произведенія, ничего не дающаго сознанію внѣ сферы художества. Вообще нашъ вѣкъ — вѣкъ рефлексіи, мысли, тревожныхъ вопросовъ, а не искусства. Скажемъ болѣе: нашъ вѣкъ враждебенъ чистому искусству, и чистое искусство невозможно въ немъ. Какъ во всѣ критическія эпохи, эпохи разложенія жизни, отрицанія

стараго при одномъ предчувствіи новаго, теперь искусство — не господинъ, а рабъ: оно служитъ постороннимъ для него цѣлямъ. (IV, 64).

32. Разумное и нравственное.

Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства, какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. (II, 47).

33. Искусство и наука.

Видятъ, что искусство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обработывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ — образами и картинами, и говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружась статистическими числами, доказываетъ, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то при-

чинъ. Поэтъ, вооружась живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, показываетъ въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба убѣждаютъ, только одинъ логическими доводами, другой — картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого — всѣ. Высочайшій и священѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію — сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука, и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства, ни искусство — науки. (IV, 597).

34. Поэзія и наука.

Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемыя не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ „разумъ“. (II, 83).

35. Поэзія и живопись.

Поэзія выше живописи, предѣлы ея обширнѣе, нежели предѣлы всякаго другого искусства. И по-

тому поэтъ, разумѣется, не можетъ ограничиться одной живописью. (IV, 606).

36. Беллетристика и публицистика.

Если ваша картина будетъ вѣрна, ее поймутъ безъ всякихъ разсужденій. Вы были только художникомъ и хлопотали изъ того, чтобъ нарисовать возникшую въ вашей фантазіи картину, какъ осуществленіе возможности, скрывавшейся въ самой дѣйствительности; и кто ни посмотритъ на эту картину, всякій, пораженный ея истинностью, и лучше *почувствуетъ*, и *сознаетъ* самъ все то, что вы стали бы толковать и чего бы никто не захотѣлъ отъ васъ слушать... Только берите содержаніе для вашихъ картинъ въ окружающей васъ дѣйствительности и не украшайте, не перестраивайте ея, а изображайте такой, какова она есть на самомъ дѣлѣ, да смотрите на нее глазами живой современности, а не сквозь закоптѣлыя очки морали, которая была истинна во время оно, а теперь превратилась въ общія мѣста, многими повторяемыя, но уже никого не убѣждающія... Идеалы скрываются въ дѣйствительности; они—не произвольная игра фантазіи,—не выдумки, не мечты, и въ то-же время идеалы не списокъ съ дѣйствительности, а угаданная умомъ и воспроизведенная фантазіей возможность того или другого явленія. Фантазія есть только одна изъ главнѣйшихъ способностей, условливающихъ поэта: но она одна не составляетъ поэта; ему нуженъ еще

глубокій умъ, открывающій идею въ фактѣ, общее значеніе въ частномъ явленіи. Поэты, которые опираются на одну фантазію, всегда ищутъ содержанія своихъ произведеній за тридесять земель въ тридесятомъ царствѣ и въ отдаленной древности; поэты, вмѣстѣ съ творческой фантазіей обладающіе и глубокимъ умомъ, находятъ свои идеалы вокругъ себя. И люди дивятся, какъ можно съ такими малыми средствами сдѣлать такъ много, изъ такихъ простыхъ матеріаловъ построить такое прекрасное зданіе. (III, 215).

37. Нравственность и художественность.

Что художественно, то уже и нравственно; что нехудожественно, то можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Вслѣдствіе этого вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ — дѣйствительно-ли оно художественно. Произведеніе искусства, художественность котораго не выдержитъ высшей пробы вкуса и критики, можетъ быть положительно-безнравственно, какъ оскрбляющее нравственность, и можетъ быть отрицательно-безнравственно, какъ только не оскорбляющее нравственности; но всякое истинно или дѣйствительно-художественное произведеніе не можетъ не быть положительно-нравственнымъ. (I, 392).

38. Существенный признакъ искусства.

Сущность каждаго искусства состоитъ въ его свободѣ; безъ свободы же искусство есть ремесло, для котораго не нужно родиться, но которому можно выучиться. (I, 845].

39. Сущность поэзіи.

Обще-человѣческое безгранично только въ своей идеѣ; но, осуществляясь, оно принимаетъ извѣстный характеръ, извѣстный колоритъ, такъ сказать. Оттого, хотя всѣ великіе поэты выражали въ своихъ созданіяхъ обще-человѣческое, однако жъ творенія каждаго изъ нихъ отличаются своимъ собственнымъ характеромъ. Великъ Шекспиръ и великъ Байронъ; но рѣзкая черта отличаетъ творенія одного отъ твореній другого. Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ оригинальнѣе міръ его творчества, — и не только великіе, даже просто замѣчательные поэты тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ, что ихъ поэтическая дѣятельность ознаменована печатью самобытнаго и оригинальнаго характера. Въ этой характерной особности заключается тайна ихъ личности и тайна ихъ поэзіи. Условить и опредѣлить сущность этой особности — значитъ найти ключъ къ тайнѣ личности и поэзіи поэта. Въ чемъ же должно искать этого ключа?

Каждое поэтическое произведеніе есть плодъ могучей мысли, овладѣвшей поэтомъ. Если-бъ мы допу-

стили, что эта мысль есть только результатъ дѣятельности его разсудка, мы убили бы не только искусство, но и самую возможность искусства. Въ самомъ дѣлѣ, что мудренаго было бы сдѣлаться поэтомъ, и кто бы не въ состояніи былъ сдѣлаться поэтомъ по нуждѣ, по выгодѣ или по прихоти, если-бъ для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втискать ее въ придуманную же форму? Нѣтъ, не такъ это дѣлается поэтами по натурѣ и призванію! У того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная мысль будетъ глубока, истинна, даже свята, — произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, — и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ каждаго въ выраженной имъ мысли, несмотря на всю ея правдивость! Но между тѣмъ такъ то именно и понимаетъ толпа искусство, этого-то именно и требуетъ она отъ поэтовъ! Придумайте ей на досугѣ мысль получше, да потомъ и обдѣлайте ее въ какой-нибудь вымыселъ, словно брилліантъ въ золото! Вотъ и дѣло съ концомъ! Нѣтъ, не такія мысли и не такъ овладѣваютъ поэтомъ и бываютъ живыми зародышами живыхъ созданій. Искусство не допускаетъ къ себѣ отвлеченныхъ философскихъ, а тѣмъ менѣе разсудочныхъ идей: оно допускаетъ только идеи поэтическія, а поэтическая идея — это не силлогизмъ, не догматъ, не правило, это — живая страсть, это — паѳосъ.

И потому, если поэтъ рѣшится на трудъ и подвигъ творчества, значитъ, что его къ этому движетъ, стремитъ какая-то могучая сила, какая-то непобѣдимая страсть. Эта сила, эта страсть—паѳосъ. Въ паѳосѣ поэтъ является влюбленнымъ въ идею, какъ въ

прекрасное, живое существо, страстно проникнутымъ ей,—и онъ созерцаетъ ее не разумомъ, не разсудкомъ, не чувствомъ и не какой-либо одной способностью своей души, но всей полнотой и цѣлостью своего нравственнаго бытія,—потому идея является въ его произведеніи не отвлеченной мыслью, не мертвой формой, а живымъ созданіемъ, въ которомъ живая красота формы свидѣтельствуетъ о пребываніи въ ней божественной идеи, и въ которой нѣтъ черты, свидѣтельствующей о сшивкѣ или спайкѣ,—нѣтъ границы между идеей и формой, но та и другая являются цѣлымъ и единымъ органическимъ созданіемъ. Идеи истекаютъ изъ разума; но живое творитъ и рождаетъ не разумъ, а любовь. Отсюда ясно видна разница между идеей отвлеченной и поэтической: первая — плодъ ума, вторая — плодъ любви, какъ страсти. Но отчего же, скажутъ, называть это паѳосомъ, а не страстью?—Оттого, что слово „страсть“ заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе чувственное, тогда какъ слово „паѳосъ“ заключаетъ въ себѣ понятіе болѣе нравственное. Въ страсти много индивидуальнаго, личнаго, своекорыстнаго, темнаго; въ ней можетъ быть даже низкое и подлое, потому что можно питать страсть не только къ женщинѣ, но и къ женщинамъ, не только къ славѣ, но и къ почестямъ, можно питать страсть къ деньгамъ, къ вину, къ гастрономіи. Въ страсти много чисто чувственнаго, кровнаго, нервическаго, тѣлеснаго, земного. Подъ „паѳосомъ“ разумѣется тоже страсть, и притомъ соединенная съ волненіемъ крови, съ потрясеніемъ всей нервной системы, какъ и всякая другая страсть; но паѳосъ всегда есть страсть, возжигаемая въ душѣ

человѣка идеей и всегда стремящаяся къ идеѣ, слѣдовательно страсть чисто духовная, нравственная, небесная. Паѳосъ простое умственное постиженіе идеи превращаетъ въ любовь къ идеѣ, полную энергіи и страстнаго стремленія. Въ философіи идея является безплотной; черезъ паѳосъ она превращается въ тѣло, въ дѣйствительный фактъ, въ живое созданіе. Отъ слова „паѳосъ“ или „патосъ“ (pathos) происходитъ слово патетическій, наиболѣе употребляемое въ отношеніи къ драматической поэзіи, какъ къ наиболѣе исполненной паѳоса по своей сущности. Но мы лучше объяснимъ значеніе паѳоса указаніемъ на него въ великихъ произведеніяхъ искусства.

Паѳосъ Шекспировской драмы „Ромео и Джюльета“ составляетъ идея любви,—и потому пламенными волнами, сверкающими яркимъ свѣтомъ звѣздъ, льются изъ устъ любовниковъ восторженныя патетическія рѣчи.

Паѳосъ „Гамлета“ составляетъ борьба негодованія на порокъ и преступленіе съ безсиліемъ вступить съ ними въ открытый и отчаянный бой, какъ того требуетъ сознаніе долга. (III, 461—463).

40. Могущество искусства.

Чѣмъ равнодушнѣе и холоднѣе толпа къ дѣлу искусства, тѣмъ выше и поразительнѣе торжество искусства надъ толпою. (II, 86).

41. Поэтъ и современность.

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связаны развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. (II, 106).

42. Подражаніе старинѣ.

Когда двѣ эпохи такъ противоложно расходятся во взглядѣ на одни и тѣ же предметы, то поэзія старой эпохи теряетъ свою силу для новой. Если какая-нибудь эпоха выразила собой одинъ изъ моментовъ всемірно-историческаго развитія, то ея поэзія всегда имѣетъ свою историческую важность: но только ея собственная поэзія, а не поддѣльная подъ нее. И потому готическіе соборы среднихъ вѣковъ и въ наше время сильно дѣйствуютъ на душу, а баллады Шиллера, несмотря на всю поэтическую прелесть ихъ, ни для кого не занимательны. Скажемъ болѣе: чѣмъ выше по своему художественному достоинству такія баллады, какъ „Рыцарь Тогенбургъ“, тѣмъ большее сожалѣніе возбуждаютъ онѣ въ читателѣ нашего времени, что столько пушечныхъ зарядовъ потрачено по воробьямъ (III, 353).

43. Эволюція искусства.

Искусство, какъ одна изъ абсолютныхъ сферъ сознанія, имѣетъ свои законы, въ его собственной

сущности заключенные, и внѣ себя не признаетъ никакихъ законовъ. Кто уже по натурѣ своей или по духовной своей неразвитости не въ состояніи постигать законовъ искусства въ его идеѣ, — тотъ не въ состояніи ни цѣнить искусства въ фактѣ, ни наслаждаться имъ. До постиженія идеи мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвлеченія: слѣдовательно идея сама по себѣ есть только одна сторона предмета, искусственно отдѣляемая нами отъ живой всецѣлости предмета для того, чтобъ намъ можно было отрѣшиться отъ непосредственнаго эмпирическаго способа понимать этотъ предметъ. И потому нѣтъ идей, которыя оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется какъ дѣйствіе. Осуществленіе идеи въ фактѣ имѣетъ свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій — послѣдовательность и постепенность. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ; но все, имѣющее своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ готовая, но имѣла свои дни или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое — животному. Каждая былинка проходитъ чрезъ нѣсколько фазисовъ развитія, — и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно суть не что иное, какъ непреложно-послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные мо-

менты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ же законъ существуетъ и для общества, и для человѣчества. Тотъ же законъ существуетъ и для искусства. У искусства есть свой вѣчный неизмѣнный идеалъ совершенства, составляющій предметъ эстетики, какъ науки изящнаго; но искусство не вдругъ, а постепенно достигаетъ своего идеала, — и исторія искусства есть картина моментовъ его развитія. Такъ, напримѣръ, Индія — страна, гдѣ впервые пробудилось въ людяхъ стремленіе къ сознанію абсолютной истины, и въ которой это сознаніе остановилось на своемъ первомъ моментѣ и, какъ бы окаменѣлое, дошло до насъ черезъ рядъ тысячелѣтій почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ первоначально возникло, подобно вершинамъ Гималая, которыя и теперь почти тѣ же, какими узрѣлъ ихъ міръ въ первые дни своего созданія. Подобно религіи и философіи, искусство въ Индіи представляется на первой ступени своего проявленія, въ первомъ моментѣ своего существованія: оно носитъ тамъ характеръ чисто-символическій, ибо его образы условно, а не непосредственно выражаютъ идею. Таково должно быть, и инымъ не можетъ быть искусство въ своемъ началѣ. Чтобъ образы выражали идею не условно, а непосредственно, для этого необходимо идеѣ быть полной и ясной для художника; но какъ идеи первобытныхъ и младенствующихъ обществъ состоятъ изъ темныхъ предощущеній и неопредѣленныхъ, смутныхъ предчувствій, то и выраженіе идеи у нихъ естественно должно состоять изъ однихъ намековъ, иносказаній и затѣйливыхъ символовъ. Въ Египтѣ искусство сдѣлало уже большой шагъ, приблизившись пѣ-

сколько къ простотѣ и природѣ, по крайней мѣрѣ египетскія изваянія представляютъ уже не однихъ сфинксовъ, но и людей, хотя эти люди еще массивны, грубы, неподвижны. Въ Греціи искусство уже отрѣшилось символизма, и его образы облеклись въ простоту и истину, которыя составляютъ высочайшій идеалъ красоты. Искусство никогда не развивается независимо — одиноко: напротивъ, его развитіе всегда бываетъ связано съ другими сферами сознанія. Въ эпоху младенчества и юношества народовъ искусство всегда болѣе или менѣе — выраженіе религіозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости — философскихъ понятій. Индійскій пантеизмъ есть обожествленіе природы, и потому даже въ поэзіи индустанской играютъ такую важную роль растенія, змѣи, птицы, коровы слоны и прочія животныя, а изваянія боговъ представляютъ дикую и уродливую смѣсь членовъ человѣческаго тѣла съ членами животныхъ. Индійское искусство не могло возвыситься до изображенія красоты человѣческой, ибо въ пантеистической религіи индусовъ Богъ есть природа, а человѣкъ — только ея служитель, жрецъ и жертва. Египетская миѳологія занимаетъ уже середину между индійской и греческой: среди животно-чудовищныхъ образовъ ея боговъ уже замѣтны и человѣческіе лики, послужившіе типомъ для изваяній греческихъ; между Озирисомъ и Аполлономъ есть сродство, и ликъ Ѳеба, который сражаетъ Пифона, занятъ греками у египтянъ. Однакожъ это бореніе между животнымъ и человѣкомъ разрѣшилось только въ сфинкса — чудовище съ женоподобной головой и грудью, съ туловищемъ звѣря. Сфинксъ египетскій мудрѣе человѣка: онъ

загадываетъ человѣку хитрыя загадки и пожираетъ его за неумѣнье разгадать ихъ. Но грекъ Эдипъ разгадалъ мысль и нашелъ слово; звѣрь бросился въ море и утонулъ: человѣкъ вступилъ въ свои права, — и боги Греціи—ничто иное, какъ образы идеальнаго человѣка, обожествленіе человѣка. Звѣри вошли въ искусство, какъ выраженіе силъ природы, повинующихся человѣку: кони возятъ колесницу Аполлона, Церберъ стережетъ входъ въ царство Ада, отвратительныя гарпіи служатъ бичомъ злодѣйства; Зевсъ принимаетъ образы вола и лебедя для скрытія отъ Геры такихъ похожденій, источникомъ которыхъ были чисто-естественныя поползновенія. Образъ человѣческій просвѣтленъ и возвышенъ: его назначеніе въ греческомъ искусствѣ выражать высшую идеальную красоту. Въ греческомъ искусствѣ символистика и аллегорія кончились; искусство стало искусствомъ. Объясненіе этого должно искать въ греческой религіи и глубокомъ, вполнѣ развившемся и опредѣлившемся смыслѣ ея мірообъемлющихъ миѳовъ.

Кромѣ всего этого, на развитіе и характеръ искусства много имѣютъ вліянія еще разныя совершенно случайныя обстоятельства, особенно же природа и мѣстность страны, климатъ и проч. Огромность архитектурныхъ зданій, колоссальность статуй индійскихъ — явное отраженіе гигантской природы страны Гималаевъ, слоновъ и удавовъ. Нагота греческихъ изваяній находится въ большей или меньшей связи съ благословеннымъ климатомъ Эллады. Гармоническая природа этой страны, чуждая всякой чудовищной громадности, всякихъ чудовищныхъ крайностей,

не могла не имѣть вліянія на чувство соразмѣрности и соотвѣтственности, словомъ, — гармоніи, которое было какъ бы врожденно грекамъ. Бѣдная и величаво-дикая природа Скандинавіи была для норманновъ откровеніемъ ихъ мрачной религіи и сурово-величавой поэзіи. Политическія обстоятельства также имѣютъ вліяніе на развитіе и характеръ искусства; римляне заняли у грековъ классическую гармонію и благородную простоту архитектуры, но прибавили къ ней отъ себя огромность и громадность размѣровъ, какъ бы выразившихъ колоссальность ихъ государства и ихъ политическаго величія.

Изъ этого видно, какъ жестоко ошибаются тѣ умозрительные судьи изящнаго, которые хотятъ видѣть въ искусствѣ совершенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Основываясь на томъ, что предметъ искусства не временное и относительное, а вѣчное и безусловное, они думаютъ, что искусство унижаетъ себя, если подчиняется какимъ бы то ни было историческимъ и временнымъ вліяніямъ. Но это значитъ смотрѣть на „вѣчное“ и „безусловное“, какъ на отвлеченныя понятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на логическія построенія, лишенныя всякой жизненности: ибо „вѣчное“ выражается во времени, „безусловное“ ограничивается формой проявленія, „безконечное“ дѣлается доступнымъ созерцанію въ конечномъ. Если эстетика возьметъ за основаніе однѣ идеи и ихъ діалектическое развитіе, оставивъ въ сторонѣ вѣрованія и исторію, то по ней выйдетъ, можетъ быть, что произведенія греческаго искусства прекрасны, а индійскаго и египетскаго—не имѣютъ

ничего общаго съ творчествомъ и суть порожденія невѣжества и дикости; готическая архитектура—воплощенное безвкусіе, французская литература хороша, а нѣмецкая вздоръ, или наоборотъ, смотря потому, отъ какого начала отправится эстетика. Задача истинной эстетики состоитъ не въ томъ, чтобъ рѣшить, чѣмъ должно быть искусство, а въ томъ, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна разсуждать объ искусствѣ, какъ о чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то идеалѣ, который можетъ осуществиться только по ея теоріи: нѣтъ, она должна разсматривать искусство, какъ предметъ, который существовалъ давно прежде нея и существованію котораго она сама обязана своимъ существованіемъ (III, 31).

44. Байронъ, Шиллеръ, Шекспиръ.

Если Байронъ взвѣсилъ ужасъ и страданье, если онъ постигъ и выразилъ только муки сердца, адъ души, это значитъ, что онъ постигъ только одну сторону бытія вселенной, что онъ вырвалъ и показалъ намъ только одну его страницу. Шиллеръ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни такъ, какъ онъ понималъ его самъ, пропѣлъ намъ только свои завѣтныя думы и мечтанія, злое жизни у него или невѣрно или искажено преувеличеніемъ; Шиллеръ въ этомъ отношеніи равенъ Байрону. Но Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый Шекспиръ постигъ и адъ, и землю, и небо: царь при-

роды, онъ взялъ равную дань и съ добра и со зла; и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніе пульса вселенной! Каждая его драма есть міръ въ миніатюрѣ; у него нѣтъ, какъ у Шиллера, любимыхъ идей, любимыхъ героевъ. Посмотрите, какъ безчеловѣчно смѣется онъ надъ этимъ бѣднымъ Гамлетомъ, съ замысломъ гиганта и волею ребенка, который на каждомъ шагу падаетъ подъ тяжестью подвига, предпринятаго не по силамъ! (I, 14).

Слишкомъ было бы смѣло и странно отдать Шекспиру рѣшительное преимущество предъ всѣми поэтами человѣчества, какъ собственно поэту, но, какъ драматургъ, онъ и теперь остается безъ соперника, имя котораго можно бъ было поставить подлѣ его имени. Обладая даромъ творчества въ высшей степени и одаренный мірообъемлющимъ умомъ, онъ въ то же время обладаетъ и этой объективностью генія, которая сдѣлала его драматургомъ по преимуществу и которая состоитъ въ этой способности понимать предметы такъ, какъ они есть, отдѣльно отъ своей личности, переселяться въ нихъ и жить ихъ жизнью.

Для Шекспира нѣтъ ни добра, ни зла; для него существуетъ только жизнь, которую онъ спокойно созерцаетъ и сознаетъ въ своихъ созданіяхъ, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не отдавая преимущества. И если у него злодѣй представляется палачемъ самого себя, то это не для назидательности и не по ненависти къ злу, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума, вслѣдствіе котораго кто добровольно отвергся отъ любви и свѣта, тотъ живетъ въ удушливой, мучительной атмосферѣ тьмы и ненависти. И если у него добрый въ

самомъ страданіи находитъ какую то точку опоры, что-то такое, что выше и счастья, и бѣдствія, то опять не для назидательности и не по пристрастію къ доброму, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума, вслѣдствіе котораго любовь и свѣтъ есть естественная атмосфера человѣка, въ которой ему и легко, и свободно дышать даже и подъ тяжкимъ гнетомъ судьбы. Впрочемъ, эта объективность совсѣмъ не есть безстрастіе: безстрастіе разрушаетъ поэзію, а Шекспиръ — великій поэтъ. Онъ только не жертвуетъ дѣйствительностью своимъ любимымъ идеямъ, но его грустный, иногда болѣзненный взглядъ на жизнь доказываетъ, что онъ дорогой цѣной искупилъ истину своихъ изображеній (I, 812).

45. Фаустъ и Гамлетъ.

Для всякаго человѣка есть эпоха младенчества или этой безсознательной гармоніи его духа съ природой, вслѣдствіе которой для него жизнь есть блаженство, хотя онъ и не сознаетъ этого блаженства. За младенчествомъ слѣдуетъ юношество, какъ переходъ въ возмужалость: этотъ переходъ всегда бываетъ эпохой распаденія, дисгармоніи, слѣдовательно грѣха. Человѣкъ уже не удовлетворяется естественнымъ сознаніемъ и простымъ чувствомъ: онъ хочетъ знать; а такъ какъ до удовлетворительнаго знанія ему должно перейти черезъ тысячи заблужденій, нужно бороться съ самимъ собою, то онъ и падаетъ. Это непреложный законъ какъ для человѣка.

такъ и для человѣчества. Для человѣка эта эпоха настаетъ двоякимъ образомъ: для одного она начинается сама собой вслѣдствіе избытка и глубины внутренней жизни, требующей знанія во что бы то ни стало—вотъ Фаустъ. Для другого она ускоряется какими нибудь внѣшними обстоятельствами, хотя ея причина и заключается не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ духѣ самаго этого человѣка—вотъ Гамлетъ (I, 813).

46. Театръ.

Зачѣмъ мы ходимъ въ театръ, зачѣмъ мы такъ любимъ театръ? Затѣмъ, что онъ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплѣсневѣлую отъ сухой и скучной прозы жизни; мощными и разнообразными впечатлѣніями, —затѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь неземными муками, неземными радостями и открываетъ намъ новый, преображенный и дивный міръ страстей и жизни! Въ душѣ человѣческой есть то особенное свойство, что она какъ будто падаетъ подъ бременемъ сладостныхъ ощущеній изящнаго, если не раздѣляетъ ихъ съ другой душой. А гдѣ же этотъ раздѣлъ является такъ торжественнымъ, такъ умилительнымъ, какъ не въ театрѣ, гдѣ тысячи глазъ устремлены на одинъ предметъ, тысячи сердецъ бьются однимъ чувствомъ, тысячи грудей задыхаются отъ одного упоенья, гдѣ тысячи *я* сливаются въ одно общее цѣлое *я*, въ гармоническомъ собраніи безпредѣльнаго блаженства? (I, 799).

47. Актеръ.

Актеръ есть художникъ, слѣдовательно, творитъ свободно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и зависитъ отъ драматическаго поэта. Эта свобода и зависимость, связанныя между собой неразрывно, не только естественны, но и необходимы: только чрезъ это соединеніе двухъ крайностей актеръ можетъ быть великъ. (I, 846).

48. Романтизмъ и реализмъ.

Романтическое искусство переносило землю на небо, его стремленіе было вѣчно туда, по ту сторону дѣйствительности и жизни; наше новѣйшее искусство переноситъ небо на землю и земное просвѣтляетъ небеснымъ. Въ наше время только слабыя и болѣзненныя души видятъ въ дѣйствительности юдоль страданія и бѣдствій и въ туманную сторону идеаловъ переносятся своей фантазіей, на жизнь и радость въ мечтѣ; души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство—жизнь въ безконечномъ. Мечтательность была высшей дѣйствительностью только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и формы поэзіи улетучивались въ фиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста человѣ-

чества, наша новѣйшая поэзія, осязаемо-изящную форму просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній, отворяетъ таинственныя врата священнаго храма духа. Короче: какъ романтическая поэзія была поэзіей мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни (I, 421).

49. Народность литературы.

Литература есть сознаніе народа; въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражаются его духъ и жизнь; въ ней, какъ въ фактѣ, видно назначеніе народа, мѣсто, занимаемое имъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода, моментъ всемірно-историческаго развитія человѣческаго духа, который онъ выражаетъ своимъ существованіемъ. Источникомъ литературы народа можетъ быть не какое нибудь внѣшнее побужденіе или внѣшній толчокъ, но только міросозерцаніе народа. Міросозерцаніе всякаго народа есть зерно, сущность (субстанція) его духа, тотъ инстинктивный внутренній взглядъ на міръ, съ которымъ онъ родится, какъ съ непосредственнымъ откровеніемъ истины, и который есть его сила, жизнь и значеніе, — та призма съ однимъ или нѣсколькими первосущными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Міросозерцаніе есть источникъ и основа литературы. Это фонъ, на которомъ рисуются ея картины, канва, по которой вышиваются ея узоры. Чтобы объяснить это примѣромъ, мы должны ука-

зать на литературы важнѣйшихъ въ развитіи человѣчества народовъ. (II, 151).

50. Условія пониманія поэта.

Пережить творенія поэта—значитъ переносить, перечувствовать въ душѣ своей все богатство, всю глубину ихъ содержанія, переболѣть ихъ болѣзнями, перестрадать ихъ скорбями, переблаженствовать ихъ радостью, ихъ торжествомъ, ихъ надеждами. Нельзя понять поэта, не будучи нѣкоторое время подъ его исключительнымъ вліяніемъ, не полюбивъ смотрѣть его глазами, слышать его слухомъ, говорить его языкомъ. Нельзя изучить Байрона, не бывъ нѣкоторое время байронистомъ въ душѣ, Гете—гетистомъ, Шиллера—шиллеристомъ, и т. д. (III, 461).

51. Значеніе литературы.

Какова бы ни была наша литература, во всякомъ случаѣ ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться: въ ней, въ одной ней, вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми. (IV, 289).

52. Основныя условія критики.

Чтобъ разбирать критически писателя, прежде всего должно изучить его. Если вы съ кѣмъ-нибудь

горячо спорите о важномъ предметѣ, для васъ ничего не можетъ быть больнѣе, какъ если противникъ вашъ, не давая себѣ труда вслушиваться въ ваши слова и взвѣшивать ваши доводы, будетъ придавать имъ другое значеніе и слѣдовательно отвѣчать вамъ не на ваши, а на свои собственныя мысли, справедливости которыхъ и не думали вы поддерживать. Если вы хотите, чтобъ съ вами спорили и понимали васъ, какъ должно, то и сами должны быть добросовѣстно внимательны къ своему противнику и принимать его слова и доказательства именно въ томъ значеніи, въ какомъ онъ обращаетъ ихъ къ вамъ. Но еще добросовѣстнѣе и строже должно прилагаться это правило къ критикѣ: разбираемый вами поэтъ, какъ лицо судимое, часто безотвѣтное, не можетъ въ минуту вашего кривотолкованія остановить васъ и доказать вамъ, что вы не такъ его поняли. Сверхъ того все имѣетъ свою причину и свое основаніе, а человѣкъ, по самолюбію или по пристрастію къ извѣстнымъ увлекшимъ его идеямъ, любитъ всему давать свои причины и основанія, которыя потому именно и покажутся ему истинными, что они его, а не чьи нибудь. Этой слабости подвержены не одни только ограниченные люди и невѣжды, но и умы сильные, широкіе, особенно если они нетерпѣливы и нехладнокровно пытливы. Иногда человѣку мѣшаетъ видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ даже то, что составляетъ его истинное достоинство. Что, напримѣръ, выше и почтеннѣе въ человѣкѣ, какъ не способность глубокаго убѣжденія? А между тѣмъ она то и заставляетъ человѣка враждебно смотрѣть на всякую мысль, противорѣча-

щую его убѣжденію, — и часто онъ тѣмъ упрямѣе отвергаетъ ея истинность, чѣмъ одностороннѣе его убѣжденіе, которое такъ тѣсно слилось со всѣмъ его существомъ, что онъ не въ состояніи отдѣлить его отъ себя. И однакожъ всякое изслѣдованіе непремѣнно требуетъ такого хладнокровія и безпристрастія, которыя возможны человѣку только при условіи полнаго отрицанія своей личности на время изслѣдованія. Поэтому, чтобъ произнести сужденіе о какомъ нибудь поэтѣ, тѣмъ болѣе о великомъ, должно сперва изучить его, а для этого должно войти въ міръ его творчества не иначе, какъ забывъ его, себя и все на свѣтѣ. Въ этотъ міръ не должно вносить никакихъ требованій, никакихъ заранѣе приготовленныхъ понятій и вопросовъ, никакихъ страстей, а тѣмъ менѣе — пристрастій, никакихъ убѣжденій, а тѣмъ менѣе предубѣжденій. Надо совершенно отказаться отъ роли судьи и актера, и ограничиться только ролью посторонняго любопытнаго свидѣтеля и зрителя. Такъ точно, если вы въѣзжаете въ чужую землю съ цѣлью изучить ея нравы и обычаи, вы должны забыть на время, что вы гражданинъ своей земли, и сдѣлаться совершеннымъ космополитомъ. Иначе обычаи этой чуждой вамъ страны будете вы оцѣнять на курсъ обычаевъ вашего отечества и естественно найдете въ ней хорошимъ только то, что сходно съ обычаями вашего отечества, а все противоположное или не похожее на нихъ безусловно признаете дурнымъ (III, 455).

Когда вы кончите его (поэта) изученіе, проникнете въ сокровенный духъ его поэзіи, уловите тайну его личности, тогда правило Гете, что читатель по-

эта долженъ забыть читаемаго имъ поэта, самого себя и весь міръ, вы имѣете право откинуть прочь, какъ уже лишнее и ненужное. Ваша личность снова вступаетъ въ свои права, и вы изъ ученика дѣлаетесь судьей. Вы требуете отъ поэта, чтобъ онъ былъ вѣренъ не вами предписанному ему направленію, но своему собственному, чтобъ онъ не противорѣчилъ себѣ самому, своей собственной натурѣ, не уклонялся отъ своего призванія (ибо вы поняли его призваніе изъ его же собственныхъ твореній, а не навязали ему его отъ себя), словомъ, вы требуете отъ него той внутренней послѣдовательности, которая составляетъ необходимое условіе всякой разумной дѣятельности. И если вы находите, что онъ сдѣлалъ меньше, чѣмъ бы могъ сдѣлать, меньше, нежели сколько самъ далъ право требовать отъ него, что онъ измѣнялъ стремленію собственнаго духа, вы смѣло изречете ему свой приговоръ, и это однакожъ не помѣшаетъ вамъ отдать ему полную справедливость въ томъ, что составляетъ его неотъемлемую заслугу. Вы отличите въ его твореніяхъ недостатки произвольные отъ недостатковъ, которые тѣсно соединены съ достоинствами его поэзіи и составляютъ ихъ оборотную сторону. При этомъ вы строго вникнете въ обстоятельства, которыя, независимо отъ его воли, не могли не имѣть большаго или меньшаго вліянія на его дѣятельность и больше всего на духъ времени, въ которое онъ явился, на нравственное состояніе, въ которомъ онъ засталъ общество, и покажете, шелъ ли онъ наравнѣ съ своимъ временемъ, былъ ли его хорегомъ, или только старался подпѣвать подъ его пѣсни. Обстоятельства

его частной жизни только тогда войдутъ въ ваше разсмотрѣніе, когда они будутъ въ живой связи съ его твореніями. (III, 459).

53. Критика.

Что такое критика? Простая оцѣнка художественнаго произведенія, приложеніе теоріи къ практикѣ или усиліе создать теорію изъ данныхъ фактовъ? Иногда то и другое, чаще все вмѣстѣ. Потомъ, чѣмъ критика должна быть? Частнымъ выраженіемъ мнѣнія того или другого лица, принимающаго на себя обязанность судьи изящнаго, или выраженіемъ господствующаго мнѣнія эпохи въ лицѣ ея представителей, которое есть результатъ прежде бывшихъ мнѣній, прежде бывшихъ опытовъ и наблюденій? Безъ сомнѣнія, она имѣетъ право быть тѣмъ и другимъ, но въ первомъ случаѣ она должна быть шагомъ впередъ, открытіемъ новаго, расширеніемъ предѣловъ знанія или даже совершеннымъ его измѣненіемъ, должна быть дѣломъ генія; во второмъ случаѣ она меньше рискуетъ, но зато можетъ быть увѣреннѣе въ самой себѣ, можетъ быть всегда истинной въ отношеніи къ своему времени. Итакъ, критика перваго рода есть исключеніе изъ общаго правила, явленіе великое и рѣдкое; критика второго рода есть усиліе уяснить и распространить господствующія понятія своего времени объ изящномъ. Въ наше время, когда основные законы творчества уже найдены, это есть единственная цѣль критики. Уяснить эти законы теоретически, подтверждать ихъ истину практически—вотъ ея на-

значеніе. Теорія есть систематическое и гармоническое единство законовъ изящнаго; но она имѣетъ ту невыгоду, что заключается въ извѣстномъ моментѣ времени, а критика безпрестанно движется, идетъ впередъ, собираетъ для науки новые матеріалы, новыя данныя. Это есть движущаяся эстетика, которая вѣрна однимъ началамъ, но которая ведетъ насъ къ нимъ разными путями и съ разныхъ сторонъ, и въ этомъ-то заключается ея прогрессъ. Вотъ почему критика такъ важна, такъ всеобща; вотъ почему она завладѣла общимъ вниманіемъ и пріобрѣла такой авторитетъ, такое могущество. Дарованіе критика есть дарованіе рѣдкое и потому высоко цѣнимое; если мало людей, надѣленныхъ отъ природы большимъ или меньшимъ участкомъ эстетическаго чувства, способныхъ принимать впечатлѣнія изящнаго, то какъ-же должно быть мало людей, обладающихъ въ высшей степени этимъ эстетическимъ чувствомъ и этой пріемлемостью впечатлѣній изящнаго!.. Ошибаются тѣ люди, которые почитаютъ ремесло критика легкимъ и болѣе или менѣе всякому доступнымъ: талантъ критика рѣдокъ, путь его скользокъ и опасенъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны сколько условій сходятся въ этомъ талантѣ: и глубокое чувство, и пламенная любовь къ искусству, и строгое, многостороннее изученіе, и объективность ума, которая есть источникъ безпристрастія, способность не поддаваться увлеченію; съ другой стороны, какова высокость принимаемой имъ на себя обязанности! На ошибки подсудимаго смотрятъ какъ на что-то обыкновенное; ошибка судьи наказывается двойнымъ посмѣяніемъ. (I, 235).

54. Наше общество и литература.

Успѣхъ журналистики, душа которой — критика, служитъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что литература, наконецъ, укоренилась на почвѣ русской національности, вошла въ жизнь общества, сдѣлалась его обычаемъ и живой потребностью и уже перестала быть внѣшнимъ нововведеніемъ, модой или книжнымъ педантизмомъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что у нашего общества литература стоитъ на первомъ планѣ, и что у насъ съ важностью разсуждаютъ и съ горячностью спорятъ о томъ, о чемъ заграницей говорятъ хладнокровно, какъ объ интересѣ важномъ, но уже второстепенномъ и отнюдь не исключительномъ. (III, 132).

Ужъ нечего и говорить о томъ, что всѣ сколько-нибудь замѣчательныя литературныя произведенія находятъ себѣ у насъ покупателей и почитателей; нѣкоторые журналы поддерживаются значительнымъ числомъ подписчиковъ, журнальныя мнѣнія раздѣляютъ публику на литературныя категоріи. Послѣднее обстоятельство особенно важно. Безъ литературнаго мнѣнія, сколько-нибудь оригинальнаго и самобытнаго, высказываемаго съ большимъ или меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у насъ журналъ уже не можетъ имѣть успѣха. Критика въ отношеніи къ успѣху и вліянію журнала начинаетъ становиться едва-ли не важнѣе самихъ повѣстей. Правда, подъ „критикой“ у насъ еще не всѣ разумѣютъ разсмотрѣніе произведеній искусства на основаніи науки изящ-

наго; напротивъ, большая часть публики добродушно почитаетъ критикой всякую болтовню о литературныхъ предметахъ, всякую рецензію на пустую книжонку, — и потому у насъ стоитъ только назвать себя критикомъ, чтобъ прослыть критикомъ. (III, 132).

55. Литература на Западѣ и у насъ. Писатели—мужчины и женщины.

У насъ литература имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ старой Европѣ. Тамъ она — выраженіе мысли, служащей источникомъ жизни для общества въ каждую эпоху его историческаго развитія. У насъ литература — пріятное и полезное, невинное и благородное препровожденіе времени и для писателя, и для читателя. Исключенія изъ этого правила такъ рѣдки, что не стоитъ упоминать о нихъ. Наши писатели (и то далеко не всѣ) только одною ступенью выше обыкновенныхъ изобрѣтателей и пріобрѣтателей, наши читатели (и то далеко не всѣ) только одною ступенью выше людей, которые въ преферансѣ и сплетняхъ видятъ самое естественное препровожденіе времени. Оттого у насъ всѣ писатели, и хорошіе, и худые, равно читаются и почитаются, равно имѣютъ ограниченный кругъ нравственнаго вліянія и равно скоро забываются. Исключеніе остается только за писателями, которые ужъ слишкомъ по плечу обществу и слишкомъ хорошо угодили его вкусу, удовлетворили его потребностямъ: таковы, напримѣръ, Марлинскій и Бенедиктовъ, которыхъ и теперь еще очень любятъ даже въ столицахъ, а въ

провинціи знаютъ наизусть. Поэтому женщина у насъ смѣло можетъ пускаться въ писательство: если она не всегда можетъ надѣяться стать слишкомъ высоко, зато никогда не должна бояться затеряться въ заднихъ рядахъ писакъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что женщины, которыя когда-либо пускались на Руси въ авторство, всегда обладали извѣстной степенью образованности, знаніемъ хоть французскаго языка; при этомъ имъ не мало служитъ и врожденный женской натурѣ тактъ приличія и здраваго смысла; тогда какъ несравненно бо́льшая часть пишущихъ въ Россіи мужчинъ попала въ писатели нечаянно и безъ всякаго приготовленія, а потому и не знаетъ даже первыхъ основаній грамматики своего родного языка, да и принадлежитъ еще къ такому кругу понятій, изъ котораго совсѣмъ не слѣдовало-бы показываться въ печати. (III, 100).

56. Наше общество и наука.

Многіе еще изъ посвящающихъ себя исключительно наукѣ у насъ учатся не для знанія, а для аттестатовъ, открывающихъ путь къ разнымъ преимуществамъ по службѣ. Засѣданія ученыхъ обществъ въ глазахъ нашей публики—роль спектакля, на который должно смотрѣть съ приличной важностью, не зѣвая. (III, 131).

57. Образованность и общественность.

Вообще всѣ недостатки и пороки нашей общественности выходили изъ невѣжества и непросвѣще-

нія, и потому свѣтъ знанія и образованности разгоняетъ ихъ, какъ восходъ солнца ночные туманы. (II, 222).

58. Личность и общество. Патріотизмъ.

Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни била она во внѣ и какими бы волнами ни лилась черезъ край, она неполна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человѣчества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежатъ на сердцѣ судьбы родины, всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанья, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человѣкъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастьемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина: въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая

крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣчеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ—пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человѣчества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ, патріотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. (II, 92).

59. Вліяніе среды на личность.

Создаетъ человѣка природа, но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ человѣка отъ вліянія общества; нигдѣ не скрыться, никуда не уйти ему отъ него. (III, 623).

60. Наслѣдственность и воспитаніе.

Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила людей, наклонныхъ къ пороку, но мы вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила, и что нѣтъ столь дурного человѣка, котораго бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. (I, 521).

61. Орудіе и цѣль воспитанія.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью — человѣчность. (I, 531).

62. Предѣлы воспитанія.

Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать что угодно забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше— только по своему, индивидуально. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка только худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться. Если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ качества самой этой доски. Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ, ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть ни что иное, какъ осуществившіеся законы его же собственнаго разума. И потому-то есть такъ называемыя врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что дважды два—пять, а не четыре. А между тѣмъ есть истины и повыше этой, которыхъ сѣмя—въ душѣ человѣка, еще и не думавшаго о нихъ! (II, 530).

63. Дѣтскій писатель.

Живая поэтическая фантазія есть необходимое условіе въ числѣ другихъ необходимыхъ условій, для образованія писателя для дѣтей. Черезъ нее и посредствомъ ея долженъ онъ дѣйствовать на дѣтей. Въ дѣтствѣ фантазія есть преобладающая способность и сила души, главный ея дѣятель и первый посредникъ между духомъ ребенка и внѣ его находящимся міромъ дѣйствительности. Дитя не требуетъ діалектическихъ выводовъ и доказательствъ, логической послѣдовательности: ему нужны образы, краски и звуки. (I, 541).

II. РОМАНЪ БѢЛИНСКАГО.

Только три года тому назадъ были опубликованы письма Бѣлинскаго къ его женѣ, писанныя въ то время, когда они были еще женихомъ и невѣстой. Письма эти, въ высшей степени интересныя, какъ матеріалъ для характеристики самого Бѣлинскаго, его нравственной натуры и его воззрѣній на многія стороны человѣческихъ отношеній — на бракъ, семейную жизнь, китайскія церемоніи и такъ-называемыя „приличія", которыми обыкновенно обставляются всѣ важные шаги жизни,—представляютъ еще громадный интересъ, какъ одно изъ лучшихъ произведеній, рисующихъ такое явленіе, какъ „романъ великаго человѣка". Интересъ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что „романъ" этотъ написанъ мастерскою рукою самого великаго человѣка, и написанъ со всею откровенностью и искренностью, къ какимъ способенъ былъ Бѣлинскій, писавшій притомъ безъ мысли о томъ, что когда-нибудь его письма сдѣлаются публичнымъ достояніемъ. Едва-ли найдется литературное произведеніе, посвященное изо-

браженію любви человѣческой, которое можно было бы поставить на ряду съ такими „не-литературными“ произведеніями, какъ письма Бѣлинскаго, по ихъ значенію и интересу.

Бѣлинскій, какъ онъ пишетъ въ одномъ письмѣ, „всегда смѣялся надъ бракомъ, любовью и всѣми сердечными привязанностями“. Само собою разумѣется, что это нисколько не воспрепятствовало ему полюбить, когда пришло его время, и полюбить съ такою силою, какая вполнѣ соотвѣтствовала его крупной натурѣ. Если Бѣлинскій во все, что онъ дѣлалъ, вносилъ страстность, если онъ вообще представлялъ собою „комокъ нервовъ“, то естественно, что любовь овладѣла имъ всецѣло и нераздѣльно. Онъ встрѣтилъ свою суженую въ Москвѣ, гдѣ она была классною дамою въ Екатерининскомъ институтѣ. Сближеніе ихъ началось на почвѣ литературныхъ разговоровъ, а затѣмъ перешло со стороны Бѣлинскаго въ такое горячее чувство, какое выпадаетъ на долю лишь немногихъ. Когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, онъ немедленно же пишетъ своей невѣстѣ длиннѣйшее письмо. Онъ не можетъ представить, чтобы у него было какое-нибудь болѣе важное дѣло въ Петербургѣ, нежели это письмо, и потому всѣ дѣла откладываются ради него. Да и могло-ли быть иначе, когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, переполненный мыслями и чувствами, предметомъ которыхъ была только одна его невѣста. Онъ пишетъ, что всю дорогу отъ Москвы до Петербурга думалъ только о *ней*. „Засыпая тяжелымъ сномъ (сидя въ экипажѣ), я или видѣлъ васъ, или чувствовалъ ваше присутствіе и потому старался какъ можно больше и боль-

не спать". Въ Петербургѣ онъ также только и думаетъ, что о своей невѣстѣ. Мысль о томъ, что пройдетъ два-три мѣсяца—и онъ навсегда соединится съ любимымъ существомъ, кружитъ ому голову. „Я опьянѣлъ отъ этой мысли,—пишетъ онъ,—я хожу теперь дуракъ - дуракомъ. Ни о чемъ не могу думать, ничего не могу дѣлать... Боже мой, когда же это будетъ? Насъ будетъ раздѣлять только одна дверь—и это радуетъ меня, ибо чѣмъ ближе будете вы ко мнѣ, тѣмъ счастливѣе буду я"... „До тѣхъ поръ, пока вы не со мной,—я самъ не свой, не могу ничего дѣлать, ничего думать. Послѣ этого очень естественно, что всѣ мои думы, желанія, стремленія сосредоточились на одной мысли, въ одномъ вопросѣ... когда же это будетъ?"

Куда бы ни пошелъ Бѣлинскій, мысль о дорогомъ человѣкѣ не оставляетъ его ни на минуту. Онъ провожалъ Боткина, уѣзжавшаго заграницу, поѣхалъ съ нимъ на море и забылъ, зачѣмъ онъ здѣсь, замечтавшись о невѣстѣ. На обѣдѣ у Комаровыхъ Бѣлинскій вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ улыбаться, когда всѣмъ кажется, что къ тому нѣтъ никакого повода, чѣмъ приводитъ въ изумленіе всѣхъ, не знающихъ, что у него въ душѣ. Онъ, какъ ребенокъ, радуется разнымъ бездѣлкамъ, которыми украшаетъ свою квартиру, будущее мѣстопребываніе *ея*. Когда она упрекаетъ его за эти заботы, говоря, что онъ, стало быть, не знаетъ ея, если думаетъ, что ей нужны такія украшенія,—онъ съ любовью возражаетъ ей: „я васъ знаю, — знаю, что васъ нельзя ни удивить, ни обрадовать мелочами и вздорами; но не отнимайте-же у меня права думать больше о васъ,

чѣмъ о себѣ. Я знаю что для васъ все-равно — тотъ или этотъ стулъ, лишь бы можно было сидѣть на немъ, — но что жъ мнѣ дѣлать, если я счастливъ мыслью, что лучшій стулъ будетъ у васъ, а не у меня? Глупо, глупо и глупо; да развѣ я *теперь* претендую хоть на капельку ума? Развѣ я не знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ посѣщать Сокольники (гдѣ помѣщался институтъ—мѣсто служенія невѣсты Бѣлинскаго), я сдѣлался дуракъ-дуракомъ". Удовлетворяя желаніе невѣсты знать состояніе его здоровья, Бѣлинскій пишетъ: „Я теперь не способенъ чувствовать ни болѣзни, ни здоровья. Я разорванъ пополамъ и чувствую, что недостаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя неполна и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мной, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ полетѣлъ бы хоть на минуту, крѣпко-крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и безсмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе, скорѣе или я съ ума сойду". Въ другомъ письмѣ, отвѣчая на тотъ же вопросъ о здоровьѣ, Бѣлинскій пишетъ: „Мое здоровье!... да Богъ его знаетъ,—говорю вамъ, что не разберу—живъ-ли я, или умеръ". Сила любви, охватившей Бѣлинскаго, настолько велика, что онъ часто не находитъ словъ, достаточныхъ для ея выраженія. „Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,— какъ сильно люблю я васъ, сказать вамъ, что вы дали смыслъ моей жизни, и много, много хотѣлось-бы мнѣ сказать вамъ такого, что вы и безъ сказыванья должны знать. Но не буду говорить, потому

что и на словахъ, и на письмѣ все это выходитъ у меня какъ-то пошло и нисколько не выражаетъ того, что должно было бы выразить. Теперь я понимаю, что поэту совсѣмъ не нужно влюбляться, чтобы хорошо писать о любви, и скорѣе не нужно влюбляться, чтобы мочь хорошо писать о любви. Теперь я понялъ, что мы лучше всего умѣемъ говорить о томъ, чего бы намъ хотѣлось, но чего у насъ нѣтъ, и что мы совсѣмъ не умѣемъ говорить о томъ, чѣмъ мы полны".

Переполненный любовью къ *ней*, Бѣлинскій съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ писемъ отъ нея. Въ концѣ перваго своего письма онъ пишетъ: „Отъ этой минуты съ тоскою буду ждать вашего письма, буду считать дни и минуты, когда получу отъ васъ первое письмо. Отвѣчайте мнѣ скорѣе, если не хотите заставить меня страдать". Отославъ первое письмо и не подождавъ отвѣта на него, Бѣлинскій спѣшитъ послать второе. Это письмо онъ начинаетъ словами: „Вчера вы должны были получить первое письмо мое къ вамъ. Я знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ волненіемъ ждали вы его... Въ продолженіе дней, въ которые должно было идти оно въ Москву, я только и думалъ о томъ, когда вы получите его; я мучился тѣмъ же нетерпѣніемъ, какъ и вы; мысль моя погоняла лѣнивое время и упреждала его; съ радостью видѣлъ я наступленіе вечера и говорилъ себѣ—днемъ меньше. Но вчера я былъ какъ на угольяхъ, разсчитывая, въ которомъ часу вы должны получить мое письмо. Я не могу видѣть васъ, говорить съ вами, и мнѣ остается только писать къ вамъ; вотъ

почему второе письмо мое получаете вы, не успѣвши освободиться отъ впечатлѣнія перваго“.

Однако, *она* — какъ это, увы! бываетъ такъ часто — оказалась далеко не столь нетерпѣливою, какъ относительно полученія писемъ, такъ и относительно отвѣта на нихъ, и это причиняло Бѣлинскому самыя страшныя страданія. „О, если бы вы только знали, — пишетъ онъ въ третьемъ письмѣ, — что мнѣ стоило ваше долгое молчанье! Первое мое письмо пошло къ вамъ 3 сентября (въ пятницу), слѣдовательно 6-го (въ понедѣльникъ) вы получили его. Я думалъ, что вашъ отвѣтъ пойдетъ, по крайней мѣрѣ, въ среду (8-го), а ко мнѣ придетъ въ субботу. Но въ субботу ничего не пришло, и мнѣ съ чего-то вообразилось, что я жду отвѣта вашего на мое письмо уже недѣли двѣ. Въ воскресенье — опять нѣтъ; я пріунылъ, и въ голову полѣзли разные вздоры: то мое письмо пропало на почтѣ и не дошло до васъ, то вы больны, и больны тяжко, то (смѣйтесь надо мною — я зналъ, что я глупъ — вѣдь вы же сдѣлали меня дуракомъ) вы вдругъ охладѣли ко мнѣ. Я не могъ работать (а съ работою и такъ опоздалъ, все думаю о васъ); мнѣ было тяжко, жизнь опять приняла въ моихъ глазахъ мрачный колоритъ.“ Въ другомъ письмѣ Бѣлинскій опять пишетъ: „Въ субботу вы получили мое второе письмо, и во вторникъ вашъ отвѣтъ могъ бы быть посланъ. Мое нетерпѣніе рѣшило, что онъ непремѣнно посланъ во вторникъ, и я его ждалъ еще вчера, а потомъ утѣшилъ себя мыслью, что почтальонъ не успѣлъ-де разнести — получу завтра, — но и сегодня я съ предлиннымъ носомъ и теперь съ горя

принялся писать къ вамъ. Стало быть, письмо ваше послано въ четвергъ (16-го) и я получу его завтра? Дай-то Богъ". Но и на слѣдующій день Бѣлинскому пришлось писать: „Вотъ и еще день прошелъ, а письма вашего нѣтъ, какъ нѣтъ, оно не отправлено и въ четвергъ, я не получу его и завтра, а долженъ ждать во вторникъ, и то въ такомъ только случаѣ, если оно отправлено въ субботу... Обманутая надежда, несвершенное ожиданіе и потомъ разныя грустныя и мрачныя мысли, которыя противъ воли лѣзутъ въ голову, — все это тяжело и тяжело..."

Зато сколько радости доставляло Бѣлинскому каждое полученное письмо. „Наконецъ-то, вы и Богъ сжалились надо мною, пишетъ онъ, получивъ первое письмо отъ *нея*. Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое письмо. Оно такъ просто и такъ чуждо всякой изысканности, и между тѣмъ такъ много говоритъ... Ваши выговоры мнѣ за то и другое— я перечитывалъ ихъ по слову, букву по буквѣ, медленно, какъ гастрономъ, наслаждающійся лакомымъ кушаньемъ. Я далъ себѣ слово какъ можно больше провиняться передъ вами, чтобы вы какъ можно больше бранили меня". Далѣе онъ проситъ „побранить его хорошенько и въ слѣдующемъ письмѣ". Письма ея онъ перечитывалъ столько разъ, что, въ концѣ-концовъ, выучивалъ ихъ наизусть. Но и полученіе писемъ, особенно такихъ рѣдкихъ, не можетъ удовлетворить Бѣлинскаго, и онъ особенно охотно ходитъ къ Комаровымъ, потому что здѣсь онъ чувствуетъ себя въ силахъ говорить безъ умолку о своей дорогой съ женою Комарова. Въ Петербургѣ никто не зналъ будущей жены Бѣлинскаго, но друзья

его не сомнѣвались, что она представляетъ собою нѣчто выдающееся, разъ ее выбралъ Бѣлинскій. А онъ превозносилъ ее въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, такъ что ее уже заочно полюбили всѣ. Сообщая объ этомъ своей невѣстѣ, Бѣлинскій и въ письмахъ къ ней пускается выхвалять ея необыкновенныя достоинства. Характеръ ея весь составленъ „изъ благородной простоты, твердости и достоинства". Узнавъ, что она была на балу, Бѣлинскій выражаетъ увѣренность, что она была лучше всѣхъ дамъ и дѣвицъ, присутствовавшихъ тамъ. „Другія могли быть свѣжѣе, граціознѣе, миловиднѣе васъ — это такъ; но только у одной васъ черты лица такъ строго правильны и дышатъ такимъ благородствомъ, такимъ достоинствомъ. Въ вашей красотѣ есть то величіе и та грандіозность, которыя даются умомъ и глубокимъ чувствомъ". Еще въ одномъ письмѣ Бѣлинскій пишетъ: „Я вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца такое сердце, какъ ваше, быть любимымъ такою душою, какъ ваша, есть награда выше мѣры и заслуги". Увы! скоро, скоро Бѣлинскій, если бы онъ не былъ такъ сильно ослѣпленъ любовью, могъ бы убѣдиться, что эта „награда" не такъ ужъ велика..

Любя безъ мѣры, Бѣлинскій естественно проявляетъ и безмѣрное безпокойство относительно предмета своей любви. „Я сталъ робокъ, — пишетъ онъ,— и всего боюсь, но больше всего въ мірѣ—вашей болѣзни. Мнѣ кажется, что я такъ крѣпокъ, что смѣшно и думать и заботиться обо мнѣ, но вы—о, Боже мой, Боже мой!—сколько тяжелыхъ грезъ, сколько мрачныхъ опасеній!.." И эти опасенія неизбѣжно присутствуютъ въ каждомъ письмѣ Бѣлинскаго

Дѣло доходитъ до мелочей, которыя невольно вызываютъ улыбку. Узнавъ, что она танцовала на одномъ балу, Бѣлинскій съ нѣжнымъ упрекомъ проситъ ее беречь въ подобныхъ случаяхъ свое хрупкое здоровье. А когда она сообщила ему о своемъ кашлѣ Бѣлинскій просто въ ужасъ пришелъ и потребовалъ сообщенія ему самыхъ подробныхъ свѣдѣній о ходѣ болѣзни.

Конечно, любя такъ сильно свою избранницу, Бѣлинскій мечталъ о томъ, что они будутъ не только жить вмѣстѣ, не только дѣлить горе и радости, но и всецѣло сольются въ одно нравственное и умственное существо. Онъ мечталъ о томъ, что они будутъ всегда солидарны и мыслями, и чувствами. Иначе онъ и не представляетъ себѣ возможности сожительства. „Я хочу, — пишетъ Бѣлинскій, — чтобы вы были моею не только передъ людьми и свѣтомъ, но и передъ Богомъ, а это возможно только тогда когда вы и чувствомъ, и словомъ, и дѣломъ вмѣстѣ со мною станете передъ Нимъ на колѣна“. Мечтая о такомъ сліяніи своего существа съ существомъ своей дорогой, Бѣлинскій желаетъ, что бы она знала всего его, со всѣми его достоинствами и недостатками. „Хочу, — пишетъ онъ, — что бы вы знали меня такимъ, каковъ я есть въ самомъ дѣлѣ; скорѣе хуже нежели я есть, чѣмъ лучше, нежели я есть“. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „мнѣ хочется разорвать это письмо и ни слова не говорить вамъ о томъ, что такъ тяжело на меня подѣйствовало (небрежность ея въ перепискѣ), но меня остановила мысль, что бы вы знали меня такимъ, каковъ я есть. Поэтому я боюсь скрывать отъ васъ какое-бы то ни

было движеніе души моей. Необходимость самой полной откровенности между любящими, равно какъ и необходимость взаимнаго пониманія, — это, по мнѣнію Бѣлинскаго, — самыя главныя условія того союза людей, который называется бракомъ. Говоря въ одномъ изъ писемъ о женитьбѣ Боткина на молодой дѣвушкѣ, неспособной понимать многихъ изъ его стремленій, Бѣлинскій пишетъ: „Быть связаннымъ съ женщиной, которая горячо меня любитъ, которую и я не могу не уважать за благородное сердце и страстную душу, но которая не знаетъ ни того, чѣмъ я здоровъ, ни того, чѣмъ я боленъ, съ которою мнѣ не о чемъ слова перемолвить, съ которою у меня нѣтъ ни одной общей симпатіи, ни одного общаго интереса, — о, не чудакъ я буду, если скажу: зачѣмъ она — дитя, зачѣмъ ей не 30 лѣтъ? Есть люди, которые любятъ въ женщинахъ больше всего наивность и разныя милыя качества; есть другіе, которые въ женщинѣ хотятъ видѣть прежде всего человѣка, по образу и по подобію Божію созданнаго“. Возражая своей невѣстѣ, которая однажды высказала мысль, что она и бѣдна, и стара, и дурна слишкомъ для того, что бы стать женою такого человѣка, какъ Бѣлинскій, послѣдній написалъ слѣдующую горячую тираду, которую мы приводимъ, несмотря на ея длинноту, такъ-какъ она показываетъ, чего ждалъ Бѣлинскій отъ брака для себя лично:

„Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ *бѣдной* въ самомъ дѣлѣ вы погубили меня своею бѣдностью вѣдь я было располагалъ жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и съ 100,000 приданаго. Что касается до вашей старости, то я былъ бы въ со-

вершенномъ отчаяніи, если бы, во-первыхъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и, во-вторыхъ, если-бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости своихъ женъ страдаютъ такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло — не въ молодости, не въ старости, и вообще нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ заглядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что еще только будетъ, но чего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не разсчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все — быть человѣчески достойными счастья, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, по человѣчески, нести несчастье, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Всякое важное обстоятельство въ жизни есть лотерея, особенно бракъ; нельзя, чтобы рука не дрожала, опускаясь въ таинственную урну за страшнымъ билетомъ, но неужели же слѣдуетъ отторгивать руку потому, что она дрожитъ?... Вы больны, — это правда; но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что такое страданіе. Намъ же не въ чемъ будетъ завидовать другъ другу, и мы будемъ понимать одинъ другого во всемъ — даже и въ болѣзняхъ. Какъ добрые друзья, будемъ подавать другъ другу лѣкарства, — и они не такъ горьки будутъ казаться намъ... Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ, — то опираясь на нее, то поддерживая ее, я готовъ идти по дорогѣ

моей жизни, съ надеждою и бодро... Вы называете себя дурною и даже букою, Что жъ? Я люблю ваше дурное лицо и нахожу его прекраснымъ: стало быть, наказанія и тутъ нѣтъ. Вы дики въ обществѣ, — я тоже, и тѣмъ веселѣе будетъ намъ въ обществѣ одинъ съ другимъ. Если бы вы были общительны и любили общество, тогда бы я дѣйствительно былъ наказанъ крѣпко за мои грѣхи".

Ожидая, такимъ образомъ, отъ предстоящаго брака великаго счастья для себя, и только счастья, но будучи готовъ перенести „по человѣчески" и несчатье, если-бы оно выпало на его долю, — Бѣлинскій спѣшитъ какъ можно скорѣе произвести опытъ, который долженъ разрѣшить этотъ вопросъ о счастьѣ или несчастьѣ. Убѣждая невѣсту поспѣшить съ заключеніемъ брака, Бѣлинскій высказываетъ слѣдующія соображенія, которыми онъ, какъ извѣстно, руководствовался и вообще во всей своей жизни: „Медлить нечего. Если судьба дастъ намъ долгіе счастливые дни, — возьмемъ ихъ; если одинъ день, — не уступимъ и того. Одинъ картежный игрокъ, наживвшій игрою милліонъ, говорилъ при мнѣ, что для каждаго человѣка судьба даетъ минуту, — воспользуйся онъ ею, не упусти ее — и все получитъ; пропусти — никогда, никогда уже не представится ему благопріятная минута. Я нахожу это очень вѣрнымъ я думаю, что въ важныхъ дѣлахъ жизни всегда надо спѣшить такъ, какъ будто отъ потери одной минуты должно погибнуть".

Убѣждая невѣсту поспѣшить бракомъ, Бѣлинскій вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждалъ ее, чтобы самое заключеніе брака было совершено безъ всѣхъ тѣхъ

обрядностей и церемоний, безъ которыхъ можно обойтись. Китайскія церемоніи, и теперь обычныя при совершеніи браковъ, а тогда, да еще въ Москвѣ, считавшіяся безусловно необходимыми, внушали Бѣлинскому глубокое отвращеніе. Говоря о возможности вѣнчанія въ институтской церкви, въ присутствіи всего института и съ соблюденіемъ разныхъ обычаевъ, Бѣлинскій говоритъ: „Если это такъ, то мнѣ пріятнѣе было-бы обвѣнчаться съ вами въ Камчаткѣ или на Алеутскихъ островахъ, чѣмъ въ Москвѣ". Еще въ большій ужасъ пришелъ онъ, когда узналъ, что бракъ неизбѣжно будетъ сопровождаться обѣдомъ и прочимъ ритуаломъ. „Всего хуже, всего ужаснѣе, — пишетъ онъ, — это покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю по принципу и по натурѣ моей. У дядюшки обѣдъ! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями". Онъ съ ненавистью говоритъ по этому поводу о Москвѣ, „наполненной дядюшками и тетушками этими подонками, этимъ отстоемъ, этою изгарью татарской цивилизаціи", о предстоящемъ „оффиціальномъ обѣдѣ съ шампанскимъ и поздравленіями, съ идіотскими улыбками и съ чиновническими шутками и любезностями"; съ горечью говоритъ, что „въ этой истинно-плѣнительной картинѣ недостаетъ только свахи, смотра, сговора и дѣвишника съ свадебными пѣснями". „Васъ измучаетъ вмѣшательство этихъ людей, пишетъ онъ дальше, — которымъ столько дѣла до другихъ, васъ убьетъ пошлость и тривіальность этихъ продѣлокъ. Вы увидите, что ихъ больше,

чѣмъ вы предвидѣли, что они скучнѣе, чѣмъ вы воображали. Что до меня, моя фигура,—въ одно и тоже время и жалкая, и свирѣпая, и шутовская, и звѣриная, ибо я не умѣю притворяться, да и не имѣю въ томъ нужды, не будучи рабомъ мнѣнія подлой, презираемой мною толпы, — вызоветъ толки, горькіе для васъ. Скажутъ, пожалуй, что я женюсь на васъ только потому, что ужъ сказалъ слово, и что поэтому мое вѣнчанье походило на похороны. А такого рода толки таковы, что возмущаютъ мою душу заранѣе, ибо эти толки оскорбляютъ не меня, а васъ, — а я много въ состояніи перенесть, кромѣ того, что-бы могло бросить на васъ какую-либо тѣнь и такъ или сякъ оскорбить васъ". Отвѣчая на то мѣсто письма невѣсты, въ которомъ она сравниваетъ его боязнь китайскихъ церемоній съ боязнью Подколесина къ браку, Бѣлинскій пишетъ: „Изъ окна я не выброшусь, но не ручаюсь, что наканунѣ вѣнчанья не проснусь съ сильной просѣдью въ головѣ и что въ эту ночь не переживу длиннаго-длиннаго времени тяжелой внутренней тревоги. И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ... По моему *кровному* убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности; это дѣло касается только двоихъ, больше никого".

Однако, нужно-ли возставать противъ принятыхъ обычаевъ и тѣмъ навлекать раздраженіе общества? „Не нами это началось, не нами и кончится", говоритъ одна изъ русскихъ благоразумныхъ пословицъ. Противъ такого „благоразумія" Бѣлинскій воору-

жается со всею своею горячностью. Онъ пишетъ: „общество улучшается чрезъ благороднѣйшихъ своихъ представителей, и вѣдь кому-нибудь надо же начать“,—и далѣе: „мнѣ кажется, что разумъ данъ человѣку для того, чтобы онъ разумно жилъ, а не для того только, чтобы онъ видѣлъ, что неразумно живетъ“.

Какова же была та, которую Бѣлинскій избралъ въ свои подруги жизни, къ ногамъ которой онъ принесъ столь горячее чувство, которой онъ отдавалъ всего себя, всю свою жизнь, которой онъ адресовалъ всѣ приведенныя выше горячія тирады? Изъ напечатанныхъ писемъ Бѣлинскаго усматриваются только два эпизода, характеризующіе его невѣсту, и характеризующіе ее далеко не блестяще.

Мы видѣли, какъ сильно любилъ Бѣлинскій свою невѣсту, какъ онъ страдалъ въ разлукѣ съ нею, какъ онъ жаждалъ соединиться съ нею скорѣе, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ писалъ ей письма и ждалъ писемъ отъ нея, разсчитывая дни, часы и минуты. А какъ отнеслась она къ этой горячности Бѣлинскаго, насколько оцѣнила силу его любви и оказалась способною пойти навстрѣчу этой любви—легко можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Бѣлинскаго въ одномъ изъ его писемъ: „Мое третье письмо вы получили въ прошлую субботу (18), а какъ въ понедѣльникъ m-lle Agrippine (лицо, чрезъ которое шла переписка) свободна отъ дежурства, то, благодаря ея добротѣ и снисходительности, вашъ отвѣтъ и могъ быть посланъ. Я даже думалъ, что онъ не могъ быть не посланъ; но ваше письмо вывело меня изъ заблужденія и показало мнѣ, что я былъ невыносимо

глупъ. Признаюсь въ глупости и прошу васъ извинить меня за нее, а за то, что вы навели меня на сознаніе моей глупости, чувствительнѣйше благодарю васъ. Точно, я теперь вспомнилъ,—вы говорили, что будете писать къ мнѣ разъ въ двѣ недѣли. Но вѣдь, помнится, и я хотѣлъ писать вамъ только разъ въ недѣлю; но, получивъ ваше письмо, не могу не отвѣтить на него въ ту-же минуту, а пославъ его на почту—считаю дни, часы и минуты, въ продолженіе которыхъ оно должно дойти до васъ. Меня занимаетъ (и какъ еще—еслибъ вы знали!) не одна только мысль—когда ваше письмо обрадуетъ меня, но и когда мое письмо обрадуетъ васъ. Я думалъ, что и вы—такъ-же точно, и моимъ душевнымъ состояніемъ мѣрилъ состояніе вашей души. Это было глупо, какъ я вижу теперь. Вы обѣщали писать въ двѣ недѣли разъ, теперь пишете каждую недѣлю—*и чаще писать не намѣрены*. Хвалю такую геройскую рѣшительность и такую непоколебимую твердость характера. Я въ восторгѣ отъ нихъ. Итакъ, теперь мнѣ уже не отъ чего безпокоиться, мучиться, не получая отъ васъ долго письма: вы здоровы, и мои опасенія—грезы больного воображенія; вы здоровы и наслаждаетесь своимъ рѣшеніемъ не писать больше одного раза въ недѣлю. Но скажите-же, отчего мнѣ жаль моего безпокойства, моей тревоги, тоски и мученья? Отчего не радуетъ меня мысль, что теперь ваше молчанье не означаетъ вашего нездоровья? Незнаю—или я слишкомъ слабохарактеренъ и въ моемъ чувствѣ много дѣтскаго, или вы писали ко мнѣ ваше письмо въ состояніи той враждебности, которую чувствовали

ко мнѣ въ одну изъ субботъ, когда мы втроемъ гуляли въ Сокольникахъ. Такъ или этакъ, но только мнѣ грустно, очень грустно. Я ждалъ себѣ сегодня свѣтлаго праздника"... Урокъ, полученный Бѣлинскимъ, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, не пошолъ ему на пользу, и онъ въ томъ же письмѣ начинаетъ умолять свою Мари „написать ему хоть одно ласковое слово", выпрашиваетъ „только нѣсколько дружескихъ строкъ". Обычное униженіе великаго человѣка передъ маленькимъ предметомъ любви здѣсь выступаетъ особенно рельефно.

Другой эпизодъ, заключающійся въ письмахъ, еще болѣе характеренъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ Бѣлинскимъ въ Москвѣ въ эмпиреяхъ и въ особенности время, когда онъ жилъ въ Петербургѣ, не будучи способенъ къ какому бы то ни было труду подъ вліяніемъ своего чувства и тоски по *ней*, произвели сильное замѣшательство въ его финансахъ. Онъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ и въ теченіе времени невольнаго бездѣлья задолжалъ Краевскому до того, что дальше должать становилось уже неудобнымъ. Между тѣмъ, поѣздка въ Москву для заключенія брака и обратный проѣздъ въ Петербургъ съ женой стоили, по тогдашней дороговизнѣ сообщенія, не мало. Къ этому присоединилось то обстоятельство, что въ это время Краевскій надолго уѣзжалъ по своимъ дѣламъ изъ Петербурга, и Бѣлинскій долженъ былъ замѣнить его въ роли редактора „Отечественныхъ Записокъ". Но самое главное—при вѣнчаніи въ Москвѣ, гдѣ жили родные невѣсты Бѣлинскаго и гдѣ у нея были разнообразныя связи, никакъ нельзя было избѣжать

тѣхъ китайскихъ церемоній, къ которымъ Бѣлинскій питалъ, какъ мы видѣли, такое непреодолимое отвращеніе. Нѣкоторые изъ друзей его, знавшіе его положеніе, порекомендовали ему не ѣздить въ Москву, а пригласить для совершенія брака невѣсту въ Петербургъ. Бѣлинскій сообщилъ это предложеніе, въ видѣ предположенія, невѣстѣ, предоставляя рѣшеніе вопроса всецѣло ей, но втайнѣ надѣясь и даже не сомнѣваясь, что она оцѣнитъ представленные ей мотивы и пріѣдетъ въ Петербургъ. Разочарованіе было и неожиданно, и сильно. Мари выразила полное сочувствіе всему, что написалъ ей по данному поводу Бѣлинскій, но заявила, что не подчиниться церемоніямъ и нарушить приличія поѣздкою въ Петербургъ она ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Письмо Бѣлинскаго, написанное въ отвѣтъ на это заявленіе, полно такой больной горечи, что его почти нѣтъ возможности читать безъ слезъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ замѣчательномъ письмѣ, его пришлось бы перепечатать цѣликомъ. Тѣ отрывки, которые мы сейчасъ приведемъ, могутъ дать только слабое понятіе о томъ, поистинѣ, отчаянномъ положеніи, въ которомъ Бѣлинскій почувствовалъ себя, вдругъ понявши, что избранница его души — далеко не такъ близка къ нему по духу, какъ онъ былъ въ этомъ увѣренъ. „Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и пр. Знаете ли, что вѣдь ваши слова не болѣе, какъ слова, слова и слова? Ибо они не оправдываются дѣломъ“, — пишетъ Бѣлинскій въ одномъ мѣстѣ своего письма.— „Вы боитесь scandale, анаѳемы и толковъ, — этого я просто не понимаю, ибо я давно позволилъ безнака-

занно проклинать меня и говорить обо мнѣ все, что угодно, тѣмъ, съ которыми я на всю жизнь *разстался Таковые* для меня не существуютъ".—„Что вамъ за дѣло до всѣхъ этихъ анаѳемъ? Неужели вамъ мало любви и уваженія человѣка, котораго вы избрали въ спутники вашей жизни, уваженія и пріязни всѣхъ тѣхъ, которыхъ *онъ* уважаетъ и любитъ, — и вы хотите еще знать, что о васъ говорятъ люди, съ которыми у васъ нѣтъ ничего общаго, которымъ до васъ, также какъ и вамъ до нихъ, нѣтъ никакого дѣла?"— Не скрою отъ васъ, что мнѣ больно видѣть въ вашей волѣ тѣ самые предразсудки, которыхъ вы выше умомъ вашимъ. Я думалъ, что мое предложеніе обрадуетъ васъ, какъ простое средство избавиться отъ необходимости дѣлать изъ себя спектакль, и что вы ухватитесь за него со всею силою вашего характера и вашей воли". — „Вы похожи на раба-отпущенника, который хотя и знаетъ, что его бывшій баринъ не имѣетъ надъ нимъ никакой власти, но все еще по старой привычкѣ почтительно и робко потупляетъ предъ нимъ глаза". — „Знаете ли что, — мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но и то, что вы обнаруживаете столько résignation въ этомъ случаѣ по отношенію къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина". Особенно горько читать слѣдующее мѣсто письма: „Я долженъ теперь *лгать* передъ моими друзьями, ибо я никогда не рѣшусь сказать имъ о вашихъ мотивахъ и о той шутовской процедурѣ, которую я долженъ буду пройти въ Москвѣ.

Они не повѣрятъ, что слышатъ это отъ Бѣлинскаго". Еще больнѣе, что это горькое, полное возмущенія, письмо заканчивается увѣреніемъ, что „*все будетъ по вашему, а не по моему*"...

Романъ Бѣлинскаго, такимъ образомъ, оказался такимъ-же, какимъ бываютъ и всѣ романы, не сочиненные, а созданные жизнью: ни глубина чувства Бѣлинскаго, ни его талантъ, ни всѣ высокія качества его души не спасли его отъ униженія — поступать противъ своихъ убѣжденій и принциповъ и спускаться до лжи, чтобы избѣжать необходимости краснѣть передъ тѣми, кто его зналъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	I.

I. Избранныя мысли Бѣлинскаго:

1. Истина	1
2. Человѣкъ	2
3. Жизнь. .	4
4. Содержаніе жизни.	—
5. Любовь. . .	5
6. Любовь мужчины и женщины.	—
7. Ревность. .	11
8. Истинное благородство.	12
9. Прогрессъ.	—
10. Народъ и человѣчество.	—
11. Европа и Азія.	13
12. XIX вѣкъ . .	—
13. Основа исторіи . .	14
14. Исторія и поэзія народа.	—
15. Красота . .	—
16. Цѣль красоты . .	15
17. Красота древняго и христіанскаго міровъ. . .	—
18. Человѣкъ и художникъ .	16
19. Избранные люди. .	17
20. Геній и толпа .	—
21. Поэтъ . .	18
22. Истинный поэтъ.	19
23. Талантъ и умъ	20
24. Поэтъ и философъ.	—
25. Поэзія. .	21
26. Задачи искусства .	22
27. Цѣль искусства.	—
28. Цѣль поэзіи. . .	23
29. Чѣмъ должно быть поэтическое произведеніе	—

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

НАПЕЧАТАНО:

1. **Я. В. Абрамовъ.** Ибсенъ и Бьернсонъ. Цѣна 30 к.
2. **Онъ-же.** Пѣвецъ тоски (Гюи-де-Мопасанъ). . . . . » 15 »
3. **Онъ-же.** Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. . » 20 »
4. **К. Фламаріонъ.** Люменъ. . . . » 50 »
5. **Я. В. Абрамовъ.** Микроскопическіе враги и друзья человѣка. » 25 »
6. **К. Фламаріонъ.** Стелла. . . . . » 60 »
7. **А. И. Свирскій.** Несчастныя дѣти. » 15 »
8. **М. Б. Городецкій.** Подъ землей. . » 30 »
9. **Я. В. Абрамовъ.** Памяти Бѣлинскаго. » 40 »

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

При книжныхъ магазинахъ Акц. О-ва «Издатель», Спб. Невскій, 68—40.
Ростовъ на Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ТАМЪ ЖЕ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Я. В. Абрамовъ. Харьковская частная женская воскресная школа и воскресныя школы вообще. Спб. . . . . Цѣна 40 к.

Дозволено цензурою. Спб. 4-го марта 1898 года.
Типографія Акціонернаго Общества печатнаго дѣла „Издатель".
Ковенскій пер., № 14.